

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVIII _ nr. 1

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2022

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Reesponsabil de volum/responsible for volume: dr. Ghenadie Sîrbu
Secretar de redacție/editorial secretary: Livia Sîrbu

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (*Odesa*), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (*Chișinău*), dr. hab. **Dumitru Boghian** (*Târgu Frumos*), dr. **Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (*Chișinău*), dr. **Alexandr Diachenko** (*Kiev*), dr. **Vasile Diaconu** (*Târgu Neamț*), dr. **Mariana Gugeanu** (*Iași*), prof. dr. hab. **Svend Hansen** (*Berlin*), prof. dr. hab. **Elke Kaiser** (*Berlin*), dr. **Maia Kașuba** (*Sankt Petersburg*), dr. **Sergiu Matveev** (*Chișinău*), prof. dr. hab. **Michael Meyer** (*Berlin*), dr. **Octavian Munteanu** (*Chișinău*), prof. dr. **Eugen Nicolae** (*București*), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (*Chișinău*), dr. hab. **Eugen Sava** (*Chișinău*), dr. hab. **Sergei Skoryi** (*Kiev*), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (*București, Iași*), prof. dr. **Marzena Szmyt** (*Poznan*), dr. **Nicolai Telnov** (*Chișinău*), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (*Kiev*), dr. **Vlad Vornic** (*Chișinău*), dr. **Aurel Zanoci** (*Chișinău*).

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according the *double blind peer-review* model

© IPC, 2022

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

- Andrei Havinskyi** (*Lvov*), **Małgorzata Rybicka** (*Rzeszów*).
House of the Funnel Beaker Culture from Vynnyky-*Lisivka*, Western Ukraine5
- Елена Фиалко** (*Киев*). Праща на вооружении скифских воительниц16
- Николай Николаев, Лилия Цыганенко** (*Измаил*).
Клад ольвийских монет из долины р. Кучурган: новая интерпретация34

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

- Aurel Mototolea, Tiberiu Potârniche, Sorin Colesniuc, Traian Cliante** (*Constanța*),
Simina Stanc (*Iași*). Sacidava – un avanpost militar al limesului moesic.
Evidențe arheologice și arheozoologice42
- George-Dan Hânceanu** (*Roman*).
Roșiori-Dulcești (județul Neamț). Vârfuri de săgeți scitice53

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

- Tetiana Goshko, Mykhailo Videiko** (*Kiev*).
Hoard of horse gear items of Cimmerian times from Kyiv region, Ukraine60
- Елена Секерская** (*Одесса*), **Виталий Синика** (*Тирасполь*).
Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья
Нижнего Днестра III-II вв. до н. э.73
- Nicoleta Vornicu, Cristina Bibire, Mirela Fernanda Zaltariov** (*Iași*).
Caracterizarea metalelor arheologice prin tehnici de arheometrie98
- Mariana Gugeanu, Maria Geba** (*Iași*).
Cercetare și restaurare-conservare textilă arheologică liturgică.
Epitrahil, Mănăstirea Căpriană106
- Aliona Grati** (*Chișinău*).
„Vei trăi cât Cheile Bâcului!” – arheologia unei expresii115

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

- Adela Kovács, Alexandru Nechifor, Constantin Aparaschivei**, *Frumusețea transpusă în lut. Catalogul statuetelor antropomorfe cucuteniene din Muzeul Județean Botoșani*, Editura Mega, Cluj-Napoca 2021, 380 p., ISBN 978-606-020-420-6
Vasile Diaconu, *Târgu-Neamț*)122
- Nanouska Myrberg Burström, Gitte Tarnow Ingvardson**, eds., *Divina Moneta: Coins in Religion and Ritual*, London-New York, Routledge, 2018, XVIII + 257 p. ISBN 978-1-4724-8592-2
(**Andrei Baltag**, *Iași*)124

IN HONOREM

Omagiu Colegului și Prietenului Ion Tentiuc la 65 de ani
(Sergiu Musteață, *Chișinău*)127

IN HONOREM

Profesorului nostru, domnul Prof. Dr. Dr. hc Svend HANSEN la ceas aniversar
(Regina A. Uhl, *Berlin*)131

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION132

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE133

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА134

**INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE**135

Елена Секерская, Виталий Синика

Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра III-II вв. до н. э.

Keywords: Scythians, Lower Dniester region, 3rd-2nd centuries BC, archaeozoology, horses, cattle and small cattle, dogs, Thracian influence.

Cuvinte cheie: sciți, regiunea Nistrului Inferior, secolele III-II a.Chr., arheozoologie, cai, animale de talie mare și medie, câini, influență tracică.

Ключевые слова: скифы, Нижнее Поднестровье, III-II вв. до н. э., археозоология, кони, крупный и мелкий рогатый скот, собаки, фракийское влияние.

Elena Sekerskaya, Vitalij Sinika

Animals in the funerary rite of the Scythians on the left bank of the Lower Dniester in the 3rd-2nd centuries BC

The article publishes the results of the study of the archaeozoological collection from the Scythian barrows and graves of the 3rd-2nd centuries BC on the left bank of the Lower Dniester. The materials are presented in various categories – sacrificial food, the remains of funeral feasts, animals accompanying the owners and antler inventory, and testify to the changes that have taken place in the funerary rites of the Scythian of the Lower Dniester region.

When choosing sacrificial food, preference was given to the left front part of the carcasses of horses, the front parts of the carcasses of a domestic bull with a slight predominance of the left side and the right front part of the carcasses of sheep. A significant predominance of domestic bull meat (65.2 %) was noted, which may be an indicator of the low social status of a significant part of the population and reflect the process of the Scythians settling. A decrease in the portion of sacrificial meat is also noticeable – they were limited only to the lower part of the shoulder blade of a domestic bull, cutting the bone across a little above the neck. Sheep meat was used as sacrificial food in 20.3 % of all burials with sacrificial food.

The sheep were not of particularly large sizes (54.7-65.4 cm), remaining within the parameters of the sheep of the steppe zone of the North Black Sea region of the Early Iron Age.

Horses belonged to the groups above average height (18.2 %), medium height (63.6 %) and undersized (18.2 %), moving mainly with fast gaits (72.7 %). The slow type of movement was characteristic of only 18.2 %, and the mixed one was characteristic of 9.1 % of the individuals. As accompanying animals, adult horses were more often used, less often were used young animals, old and yearlings, and foals were used extremely rarely. Horses with massive first phalanges, formed in a cooler and more humid climate, could have been obtained by the Scythians on the left bank of the Lower Dniester from other regions. At the same time, the mixing of signs of different types of movement (gaits) of horses indicates the absence of targeted breeding work focused on breeding horses strictly “under the saddle”.

The further development of funerary rite with the use of dogs is noticeable, associated both with an increase in their number in the process of settling the Scythians, and with external influences, mainly from the Thracians. The buried were mostly accompanied by adults, older than 2 years, animals (77.3 %), whose height at the withers varied from 46.7 cm to 63.9 cm. The study of the dogs' bones in a number of cases made it possible to identify intravital injuries, as well as injuries that caused death.

Pigs were used in the funeral rite very seldom – the bones of two individuals of the domestic pig were found in the funeral feasts of two barrows. The marsh turtle is also rare – the shells and bones of two turtles were found in two burials. Turtles, as well as single finds of a red deer, a hare, and a snake, may be associated with the social status of the buried.

The antler and red deer antler inventory studied earlier makes it possible to expand the list of animal species by adding to it the elk, wild boar, wolf and birds – eagle, golden eagle and white-tailed eagle (?).

Archaeological materials from Scythian graves and barrows of the 3rd-2nd centuries BC on the left bank of the Lower Dniester thus demonstrate a number of changes that testify to the ongoing differentiation of the Scythian society, the transition of part of the population to a semi-sedentary way of life and the perception of external cult practices.

Elena Sekerskaya, Vitalij Sinika

Animalele în ritualurile funerare și comemorative ale sciților din stânga Nistrului Inferior în secolele III-II a.Chr.

În articol sunt publicate rezultatele studiului colecției arheozoologice din complexele funerare scitice din secolele III-II a.Chr. de pe malul stâng al Nistrului Inferior. Materialele sunt reprezentate de diferite categorii de obiecte: hrană sacrificată, resturi ale triznelor funerare, animale care își însoțeau gazdele și unelte osoase – și atestă schimbările care au avut loc în riturile funerare ale sciților din regiunea Nistrului Inferior.

În alegerea hranei de sacrificiu, se acorda prioritate părții frontale stângi a scheletului de cal și de taur domestic, cu o ușoară predominanță a părții stângi, și părții frontale drepte a scheletelor de oaie. Există o predominanță semnificativă a cărnii de bovine domestice (65,2 %), ceea ce poate fi un indicator al statutului social scăzut al unei părți a populației și reflectă procesul de colonizare scitică. Există, de asemenea, o reducere notabilă a porțiunii de carne sacrificată – se limitau la partea inferioară a omoplatului taurului domestic, tăind osul transversal puțin deasupra gâtului. Carnea de oaie a fost folosită ca hrană de sacrificiu în 20,3% din totalul înmormântărilor cu hrană de sacrificiu.

Oile nu erau deosebit de mari (54,7-65,4 cm), rămânând în parametrii oilor nord-pontice din epoca timpurie a fierului.

Caii au aparținut grupelor de statură peste medie (18,2%), statura medie (63,6%) și statura mică (18,2%), care se deplasează în principal cu mers rapid (72,7%). Mișcărilor lente au fost frecvente doar la 18,2% și mișcărilor mixte la 9,1% dintre indivizi. Caii adulți erau folosiți mai des ca însoțitori, mai rar ca tineri, bătrâni și de un an și foarte rar ca mânji. Caii cu primele falange masive, formate într-un climat mai rece și mai umed, ar fi putut fi obținuți de sciții din stânga Nistrului Inferior din alte regiuni. În același timp, amestecul de trăsături ale diferitelor tipuri de mișcări ale cailor (mers) indică absența unei creșteri intenționate care să vizeze creșterea cailor strict "pentru șă".

Se remarcă o dezvoltare ulterioară a ritualurilor funerare cu utilizarea căinilor, asociată atât cu o creștere a numărului acestora în procesul de colonizare a sciților, cât și cu influențe externe, în principal din partea tracilor. În mormântările au fost însoțite în principal de animale adulte (77,3 %) cu vârsta de peste 2 ani, iar înălțimea lor la greabăn a variat de la 46,7 cm la 63,9 cm. Examinarea oaselor caninelor a scos la iveală, în mai multe cazuri, leziuni care au durat toată viața, precum și leziuni care au provocat moartea.

Porcii erau foarte rar folosiți în ritualurile funerare - în două tumuli au fost găsite oasele a doi indivizi de porc domestic. Broasca țestoasă mohorâtă este, de asemenea, rară – carapacea și oasele a doi indivizi de broască țestoasă au fost înregistrate în două înmormântări. Țestoasele, precum și descoperirile izolate de cerb nobil, iepure și șarpe, pot fi legate de statutul social al oamenilor îngropați.

Inventarul de oase și coarne examinat anterior ne permite să extindem lista speciilor de animale pentru a include elan, mistreț, lup și păsări – vultur, vultur auriu și vultur cu coadă albă (?).

Materialele arheozoologice de la monumentele funerare scitice din secolele III-II a.Chr. de pe malul stâng al Nistrului Inferior arată o serie de schimbări, indicând diferențierea continuă a societății scitice, trecerea unor oameni la un mod de viață semi-stabilizat și perceperea unor practici de cult externe.

Елена Секерская, Виталий Сеника

Животные в погребально-поминальном обряде скифов левобережья Нижнего Днестра III-II вв. до н. э.

В статье публикуются результаты изучения археозоологической коллекции из скифских погребальных комплексов III-II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра. Материалы представлены различными категориями – жертвенной пищей, остатками погребально-поминальных тризн, сопровождающими хозяев животными и костяным инвентарем – и свидетельствуют об изменениях, произошедших в погребальном обряде скифов Нижнего Поднестровья.

При выборе жертвенной пищи предпочтение отдавали левой передней части туш коней, передним частям туш быка домашнего с незначительным преобладанием левой стороны и правой передней части туш овец. Отмечено значительное преобладание мяса быка домашнего (65,2 %), что может быть показателем низкого социального статуса значительной части населения и отражать процесс оседания скифов. Заметно также уменьшение порции жертвенного мяса – ограничивались только нижней частью лопатки быка домашнего, разрубая кость поперек немного выше шейки. Мясо овец использовали в качестве жертвенной пищи в 20,3 % всех погребений с жертвенной пищей.

Овцы не отличались особенно крупными размерами (54,7-65,4 см), оставаясь в пределах параметров овец степной зоны Северного Причерноморья эпохи раннего железа.

Кони принадлежали к группам выше средних по росту (18,2 %), средних (63,6 %) и малорослых (18,2 %), передвигающихся в основном быстрыми аллюрами (72,7 %). Медленный тип передвижения был характерен всего для 18,2 %, а смешанный – для 9,1 % особей. В качестве сопровождающих животных чаще использовали взрослых коней, реже – молодняк, старых и годовиков, и крайне редко – жеребят. Кони с массивными первыми фалангами, сформировавшиеся в более прохладном и влажном климате, могли быть получены скифами левобережья Нижнего Днестра из других регионов. В то же время, смешение признаков различных типов передвижения (аллюров) коней говорит об отсутствии целенаправленной селекционной работы, ориентированной на разведение коней строго «под седло».

Заметно дальнейшее развитие погребальной обрядности с использованием собак, связанное как с увеличением их количества в процессе оседания скифов, так и с внешними влияниями, в основном со стороны фракийцев. Сопровождали погребенных в основном взрослые, старше 2 лет, животные (77,3 %), чей рост в холке варьировался от 46,7 см до 63,9 см. Изучение костей собак в ряде случаев позволило выявить прижизненные травмы, а также травмы, послужившие причиной смерти.

Очень редко в погребальном обряде использовали свиней – кости двух особей свиньи домашней найдены в тризнах двух курганов. Также редко встречается болотная черепаха – панцири и кости двух особей черепах зафиксированы

рованы в двух захоронениях. Черепахи так же, как и единичные находки благородного оленя, зайца и змеи, могут быть связанными с социальным статусом погребенных.

Костяной и роговой инвентарь, исследованный ранее, позволяет расширить перечень видов животных, добавив в него лося, кабана, волка и птиц – орла, беркута и орлана-белохвоста (?).

Археозоологические материалы из скифских погребальных памятников III-II вв. до н. э. левобережья Нижнего Днестра демонстрируют, таким образом, ряд изменений, свидетельствующих о продолжающейся дифференциации скифского общества, переходе части населения к полуоседлому образу жизни и восприятию внешних культовых практик.

Погребальный обряд скифов был частью их религиозной, мифологической и социальной систем. Использование животных являлось неотъемлемой частью этого обряда и в различных вариантах многократно зафиксировано в тысячах скифских захоронений Северного Причерноморья. Изучение археозоологических материалов позволяет получить информацию, которая не только расширяет представления о некоторых особенностях погребально-поминальных ритуалов, но и дополняет знания об образе жизни, демографических процессах и характере хозяйства скифов.

Настоящая работа посвящена характеристике морфологии животных и реконструкции их использования в погребальном обряде скифским населением левобережья Нижнего Днестра в III-II вв. до н.э.

Источниковой базой этого исследования является коллекция костей животных из скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, функционировавшего в указанное время. Памятник изучался Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко на протяжении 1995-2012 гг. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016] и в 2017 г. [Sinika, Tel'nov 2018]. За 19 лет раскопок на памятнике были изучены 183 скифских погребения в 114 скифских курганах. В итоге был получен уникальный объём археологической информации. Поразительная степень сохранности катакомб, а также непопеченность большинства из них предоставили возможность получить достоверные данные о материальной культуре, быте, хозяйстве, военном деле и идеологических представлениях скифов III-II вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье. Кроме того, была собрана весьма представительная коллекция костей жи-

вотных, однако до настоящего времени они не становились предметом специального изучения [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 1001].

В настоящей работе учтены также материалы из скифских катакомб Чобручи/Источник 2/3 (конец III в. до н.э.: [Chetverikov, Sinika 2009]) и Глиное/Водовод 7/5 (первая треть III в. до н.э.: [Sinika, Lysenko, Tel'nov, Razumov 2019, 377-379, ris. 8, 9]), исследованных соответственно в 2000 г. и в 2017 г., а также из захоронения первой половины III в. до н. э. Глиное/Плавни 2/2, изученного в 2020 г. [Sinika, Lysenko, Razumov, Tel'nov 2021, 224-225, ris. 5].

Материал и методика

Археозоологическая коллекция могильника Глиное представлена различными категориями материала – жертвенной пищей, остатками погребально-поминальных тризн, сопровождающими хозяев животными и костяным инвентарем. Жертвенная пища включает кости из частей туш, помещенных, как правило, вместе с ножом в миски или, значительно реже, на дно могильных ям. Частью туши считались кости, либо лежащие в анатомическом порядке, либо разрозненные, но принадлежащие одной особи. К категории «животные, сопровождающие хозяев» отнесены археозоологические комплексы, состоящие из целых костяков, либо голов и нижних частей конечностей животных, либо только голов, зафиксированных археологически. К остаткам погребально-поминальных «тризн» отнесены археозоологические комплексы, находящиеся в насыпях и рвах курганов, а также во входных колодцах погребений.

Категория «погребальный инвентарь» включает кости животных, использовавшиеся без какой-либо обработки, или с незначительной подработкой, в качестве амулетов, играль-ных костей, украшений, а также костяные и

роговые изделия - рукояти ножей, украшения узды и т. п.

Количество изученного материала – 1945 определенных костей и их фрагментов, неравноценных по степени сохранности и происходящих минимально от 219 особей млекопитающих. Кроме того, 10 костей принадлежат крупным копытным животным, точнее не определенным. Также найдены 30 костей рептилий минимально от 3 особей (2 черепа и 1 змея).

Измерения костей проводились по методике А. Дриш [Driesch 1976] электронным штангенциркулем Digital Caliper с точностью до 0,01 мм. Возраст животных устанавливался по состоянию зубной системы и эпифизов костей. Для определения возраста коней использовалась методика А.Г. Петренко [Petrenko 1984, 22-23]. Высота их в холке вычислялась по коэффициентам В.О. Витта (Vitt 1952), тонконоготность – по А.А. Браунеру [Brauner 1916, 108-109]. Для характеристики преимущественного типа передвижения использовались индексы В.И. Громовой [Gromova 1949, 47-49] для метаподий и путовых фаланг, а также методика Е.Г. Андреевой [Andreeva 1993, 292-297]. Высота в холке овец вычислялась по коэффициентам В.И. Цалкина [Tsalkin 1961] и М. Тайхерта [Teichert 1975], высота собак определялась по коэффициентам Ф. Кудельки [Chemyrtnan 1986] и А.А. Браунера [Brauner: Arhiv OAM].

Результаты и обсуждение

По видовому составу и месту в погребально-поминальной обрядности археозоологический материал распределяется следующим образом (табл. 1). В таблицу для полноты данных внесены опубликованные ранее определения костей млекопитающих и птиц [Pankovskij 2016].

1. Кони

1.1. Тризна в насыпях и рвах курганов

Кости коней найдены в тризнах курганов *Глиное 8, 19, 34, 81, 88, 89, 94, 101, 102, 116*. К данной категории материала отнесены: правая локтевая кость полувзрослой особи (возраст не более 15-18 месяцев) в насыпи кургана *Глиное 19*, задняя вторая фаланга и первый верхний коренной зуб особи возрастом 4,5 года из кургана *Глиное 81*, нижняя часть левой плечевой, верхняя часть большой берцовой костей

от взрослой особи и фрагмент верхней челюсти молодой особи (около 1 года) в насыпи кургана *Глиное 101*.

В погребении *Глиное 8/1* зафиксированы 2 зуба – нижний окраек и Рm³ взрослой особи возрастом около 7-8 лет, пол не установлен. Вероятно, они могли находиться во впускной входной яме, куда попали из тризны кургана при подзахоронении [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 102].

Во рву кургана *Глиное 34* вместе с костями быка домашнего был найден фрагмент тела нижнечелюстной кости, а во рву кургана *Глиное 94* – резец (зацеп) зрелой особи коня. В области курганного пятна кургана *Глиное 88* находилась верхняя часть правой пястной кости коня, возможно, имеющая отношение к тризне самого кургана и ошибочно отнесенная к тризне погребения 1. В заполнении впускной входной ямы этого погребения были отмечены кости быка домашнего, отнесенные к жертвенной пище [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 517]. Во рву кургана *Глиное 89* найдены фрагменты эмали от верхних зубов взрослой особи.

Из заполнения рва кургана *Глиное 102* происходят шесть фрагментов левой бедренной кости, фрагмент правой большой берцовой кости и передняя первая фаланга. Во входной яме погребения *Глиное 102/4* найдена целая левая плюсневая кость коня. Пол не установлен, высота в холке – 143,8 см. Особь, судя по состоянию кости, была взрослой, тонконогой (индекс тонконоготности – 10,1). Так как данное погребение было ограблено, кости животных, зафиксированные в основной входной яме, были отнесены к остаткам тризны, находившейся в насыпи кургана и попавшей в заполнение погребения в результате прокопки грабительского хода [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 604]. Учитывая, что вместе с плюсневой костью коня были найдены кости быка домашнего и мелкого рогатого скота, вывод кажется вполне справедливым.

В кургане *Глиное 116* в заполнении северной дуги рва зафиксирована первая задняя фаланга, а в юго-западной части рва – три передние первые фаланги, принадлежащие минимально 2 взрослым особям, точный возраст и пол которых не установлен.

Категория материала/ Вид животного*	Конь	Бык домашний	Мелкий рогатый скот	Свинья домашняя	Собака	Лось	Благородный олень	Кабан (?)	Кабан \ Свинья домашняя	Волк	Зяец	Птицы**	Черепаша
Тризна во рвах и насыпях	28/12	10/5	3/3	3/2	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-
Тризна в погребениях	4/1	26/10	4/4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Жертвенная пища	50/13	70/42	44/17	-	-	-	-	-	-	-	22/1	-	-
Сопровожд. животные: костяки чучела черепаша	389/29 75/4 293/22 21/3	-	-	-	1275/74	-	1/1 (?)	-	-	-	-	-	12/2
Костяной инвентарь***	-	2/2	1/1	-	-	1/1	5/-	1/1	3/-	1/1	-	4/-	-
Случайные находки	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	472/56	108/57	52/25	3/2	1276/75	1/1	6/-	1/1	3/-	1/1	22/1	4/-	12/2

* В числителе – количество костей, в знаменателе – минимальное количество особей.
 ** В.Б. Панковский упоминает кости птиц из рода орёл, беркут, и орел или орлан-белохвост [Pankovskij 2016, 1031-1033].
 *** Кроме определенных видов животных, из костей и рогов которых изготавливали различные изделия, к инвентарю отнесены также три костяных и три роговых артефакта, изготовленные соответственно из кости и компакты рогов не определенных до вида животных [Pankovskij 2016, 1014, 1030].

Таблица 1. Археозоологические материалы из скифских памятников III-II вв. до н. э.

Table 1. Archaeozoological materials from Scythian sites of the 3rd-2nd centuries BC.

1.2. Тризна в погребениях

Отмечена только в захоронении *Глиное 69/2*, где во впускном колодце найдены лопатка, плечевая кость и часть ребер правой стороны, составляющие лопаточно-плечевой отруб. Нижняя часть конечности была отделена по запястному суставу. Возраст особи – не менее 3,5-4 лет, пол не установлен.

1.3. Жертвенная пища

Части туш коней, помещенные в качестве напутственной (заупокойной) пищи, зафиксированы в следующих комплексах: *Глиное 6/3, 13/1, 14/1, 16/1, 20/1, 59/1, 64/1, 112/1, 114/1, 116/2*.

В погребении *Глиное 6/3* зафиксирован фрагмент левой части нижней челюсти с мы-

щелковым отростком взрослой особи. В катакомбе *Глиное 13/1* найдены левые лопатка и плечевая кость. Возраст особи – не более 3-3,5 лет. В захоронении *Глиное 14/1* находились правая лопатка и часть ребер. Возраст особи около 3-3,5 лет. Отметим следующую особенность: лопаточный отруб брался не полностью, лопаточная кость разрубалась поперек чуть выше середины диафиза. В качестве напутственной пищи брался фрагмент, содержащий нижнюю (суставную) часть лопатки и 3-4 ребра.

В камере катакомбы *Глиное 16/1* находились правая лопатка и целая тазовая кость взрослого коня. В качестве жертвенной пищи были использованы часть лопаточно-плечевого и верх тазобедренного отрубов.

Наличие в основном входном колодце погребения *Глиное 20/1* фрагментов миски [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 169] позволяет отнести 2 фрагмента тазовой кости, нижний фрагмент плечевой, верхние части локтевой и лучевой костей правой стороны к жертвенной пище, первоначально находившейся в миске и выброшенной при ограблении. В качестве напутственной пищи были взяты правый лопаточно-плечевой отруб с верхней частью голяшки и тазобедренная часть.

При доисследовании захоронения *Глиное 59/1* в грабительском ходе были найдены нижняя часть левой лучевой кости, фрагмент тазовой кости и вторая задняя фаланга копыта. Хорошо заметный шов нижнего эпифиза лучевой кости свидетельствует о том, что возраст особи составляет немногим более 3,5 лет. В качестве напутственной пищи использована левая сторона передней ноги, включая голяшку, и часть тазобедренного отруба. Погребение ограблено [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 362]. Кости жертвенной пищи частично могли быть вынесены из камеры, тогда как фаланга могла попасть в заполнение основной входной ямы из насыпи или уровня древнего горизонта при грабительском вторжении.

Фрагмент левой тазовой кости, найденный в восточной камере катакомбы *Глиное 64/1*, также является остатком напутственной пищи. В этом случае использовали левую верхнюю половину тазобедренной части.

В погребение *Глиное 112/1*, скорее всего, была помещена часть лопаточно-плечевого отруба взрослого животного (сохранилась верхняя часть правой локтевой кости). В катакомбу *Глиное 114/1* была помещена левая часть тазобедренного отруба туши коня (сохранились мелкие фрагменты тазовой кости). В миске из захоронения *Глиное 116/2* находились левая лопатка и фрагменты ребер (часть лопаточного отруба с ребрами) со следами огня.

В катакомбу *Глиное/Водовод 7/5* была помещена левая передняя нога коня, отделенная от нижней, не мясной, части по первому ряду костей запястья (лопаточно-плечевая часть с голяшкой и ребрами). Сохранились лопатка, плечевая, локтевая и лучевая кости, 2 кости первого ряда запястья и 17 фрагментов ребер, принадлежащих одной особи возрастом око-

ло 1,5 года. На лопаточной кости сохранились следы рубящего орудия.

Очевидно, при выборе жертвенного мяса предпочтение отдавали левой стороне туши (63,6%). В основном использовали лопаточно-плечевой отруб (45,5%), реже – лопаточно-плечевой отруб в сочетании с верхней тазобедренной частью (27,3%).

1.4. Кони, сопровождающие хозяев

Захоронения коней в качестве сопровождающих животных встречены в различных вариантах – анатомически целые костяки, захоронения черепа и конечностей (чучела), захоронения отдельных черепов. К первой группе отнесены *целые костяки лошадей*, обнаруженные в пяти погребениях – *Глиное 3/1, 17/1, 18/2, 51/1 (одна из особей) и 68/1*. Некоторые из них находились в положении лежа на боку (*Глиное 3/1, 18/2, 68/1*), другие – с подогнутыми под себя ногами (*Глиное 17/1, 51/1*), но в любом случае черепом по направлению к дромосу и основной погребальной камере. Для изучения в настоящее время доступны материалы из первых четырех погребений, кости коня из захоронения *Глиное 68/1* утрачены.

Конь из катакомбы *Глиное 3/1* – взрослый, тонконогий, средний по росту. Индексы тонконогости составляют 13,4 для пястной и 10,8 для плюсневой костей. Высота в холке, рассчитанная по наибольшей длине большой берцовой кости, равна 139,2 см, по пястной – 144,6 см, по плюсневой – 144,0 см, в среднем – 142,6 см. Точный возраст и пол не определены. Преобладающий тип передвижения – бег.

В захоронении *Глиное 17/1* находился жеребец, возрастом более 10, но менее 14 лет. Данный конь находился, очевидно, уже не на пике своей физической формы, но еще мог сохранять хорошие рабочие качества. Его высота в холке составляла от 139 см (по плюсневой кости) до 143,9 см (по большой берцовой кости), в среднем – 140,8 см. По классификации В.О. Витта, жеребец попадает в группу средних по росту лошадей. Индексы тонконогости для пястной кости – 15,4, для плюсневой – 12,7, оба соответствуют группе полутонконогих лошадей. Передвигался преимущественно беговыми аллюрами.

От целого костяка коня из погребения *Глиное 18/2* [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 156,

рис. 69: 1] остались 2 целых (M_2 и Pm^1) и многочисленные фрагменты верхних и нижних зубов, дающие возможность установить только его примерный возраст – около 3,5-4 лет.

В катакомбе Глиное 51/1 были обнаружены анатомически целый костяк и чучело лошади. Костяк принадлежал жеребцу, на нижней челюсти которого уже вышли, но не выросли на полную длину коронки постоянные окрайки и клыки, что соответствует возрасту примерно 4,5 года. Возраст особи, определенный по постоянным зубам [Petrenko 1984, 23], составлял от 4 до 4,5 лет. Таким образом, определенный суммарно по состоянию зубной системы возраст особи лежит в диапазоне от 4 лет до 4,5 лет. Отметим, что степень стирания зубов находится в зависимости от характера корма – грубый корм ускоряет стирание, что можно наблюдать при табунном содержании коней [Kniga 1952, 60].

Вторая группа представлена чучелами лошадей (захоронения черепа и конечностей с имитацией анатомического порядка), и является наиболее многочисленной. Они обнаружены в 18 захоронениях: Глиное 2/2 (основная входная яма), 4/1, 5/1, 16/1, 18/1, 20/1, 39/1, 48/1, 49/1, 50/1, 51/1, 52/1, 64/1, 73/2, 76/1, 89/1, 101/2, 105/2. Кости из катакомбы Глиное 39/1 в настоящее время утрачены.

Наличие двух комплектов нижних отделов конечностей позволяет предположить присутствие двух чучел коня в погребении Глиное 2/2. От чучела из основной входной ямы сохранились кости автоподия. Пол и точный возраст установить невозможно, особь была взрослой. Рост в холке – 139,2 см в среднем (диапазон составляет 138,7 – 140,1 см), по пястной кости – средненогая (индекс тонконогости 15,7), по плюсневой – полутонконогая (индекс 12,0). Преобладающий способ передвижения – шаговой. Вторая особь из этого же погребения (впускная входная яма), очевидно, также чучело. Она представлена зубными рядами (череп и нижняя челюсть разрушены) и костями метаподий. Пол не установлен, возраст – около 4 лет. Рост в холке – 135 см, по пястным костям – полутонконогая, по плюсневой – тонконогая, передвигалась преимущественно беговыми аллюрами.

Вероятно, чучело коня было помещено и в катакомбу Глиное 4/1. Сохранились изоли-

рованные молочные зубы верхней и нижней челюстей, первые коренные зубы (M_1 и M^1) и отдельные кости автоподия. Возраст животного 16-18 месяцев, пол не установлен. Высота в холке составляла в среднем 144,2 см (по пястной кости – 145,1 см, по плюсневой – 143,2 см). Дистальные эпифизы пясти и плюсны срослись с телом костей, их рост был закончен, однако сохранились эпифизарные швы. Данная лошадь была скелетно незрелой и вряд ли могла быть использована для какой-либо хозяйственной деятельности, так как в этом случае, в первую очередь, повреждались эпифизарные хрящи и пластинки роста позвонков. Так как рост и формирование костей скелета коня не закончились, определить его преобладающий тип движения невозможно. Вероятно, по достижении зрелости животное могло войти в группу выше средних по росту.

От коня из захоронения Глиное 5/1 сохранились изолированные зубы, в том числе молочные Pd_2-3 и постоянный M_2 . Возраст особи, предположительно, составляет 2,5-3 года. Хотя кони такого возраста внешне выглядят как взрослые, их развитие еще продолжается. Пол не установлен.

Особь из катакомбы Глиное 16/1 – жеребец возрастом 9-10 лет. От черепа осталась фрагментированная лицевая часть и неполные (без M^3) верхние зубные ряды. Конечности, составлявшие чучело вместе с черепом, к сожалению, не сохранились. Лопаточная и тазовая кости, вероятно, также относятся к данному чучелу.

В погребении Глиное 18/1 зафиксированы кости автоподия и череп лошади высотой в холке 137,8 см (средней по росту), тонконогой по плюсневой, полутонконогой – по пястной кости. Возраст особи, определенный по коренным зубам, находится в пределах 10-14 лет, пол не установлен. Индексы массивности первых фаланг указывают на принадлежность данного экземпляра к группе средних лошадей. Тип передвижения – смешанный при преобладании беговых аллюров.

В захоронении Глиное 19/3 были найдены фрагменты большой берцовой, пястной и плюсневой костей. Судя по приросшему нижнему эпифизу пясти и неприросшему нижнему эпифизу большой берцовой кости, особи,

которой они принадлежали, было более полутора, но менее двух лет. Пол не установлен. Скорее всего, фрагменты трубчатых костей могут представлять остатки чучела коня, а зубы, найденные в этом же погребении, принадлежали черепу от другой особи.

Катакомба *Глиное 20/1* была ограблена через основную входную яму. В ней, помимо жертвенной пищи, находились кости минимум 3 особей коней, о чем свидетельствует тройной набор первых фаланг (6 передних и 5 задних). В основном входном колодце были найдены 4 передние и 4 задние передние фаланги, принадлежащие одному из двух чучел и еще одной особи. Остальные кости принадлежали, вероятно, двум чучелам, первое из которых размещалось в основном входном колодце, а второе – во впускном входном колодце. Конь из основного входного колодца был средненоким по пястным костям, полутонконогим – по плюсневым, средним по росту. Высота в холке, рассчитанная по наибольшей длине пястной и плюсневой костей, составляла 136,6-138,6 см, в среднем – 137,6 см. Возраст особи 3-4 года, пол не установлен. Передвигался шагом. Во втором колодце этого же погребения зафиксированы нижняя челюсть и фрагментированный череп жеребца возрастом около 12 лет.

Пол и точный возраст особи, которой принадлежит третий набор первых фаланг, не установлены. Судя по состоянию эпифизов костей, её возраст превышал 15 месяцев.

На одной из первых передних фаланг, обнаруженных в основном входном колодце, отмечено небольшое костное разрастание (экзостоз) верхней части задней поверхности кости, связанное с развитием воспаления и, скорее всего, ограничивающее подвижность путового сустава. При жизни животное могло страдать умеренно выраженной хромотой.

Во входном колодце катакомбы *Глиное 48/1* находились череп с нижней челюстью и кости ног взрослого жеребца возрастом 4,5-5 лет. Высота особи в холке – 141,6 см (средняя по росту), полутонконогая (14,8-14,9) по пястным костям, тонконогая (11,4) по плюсневой. По индексам ширины метаподий жеребец попадает в группу средненоким (группа Б) по пястной и тонконогим (группа А) – по плюсневой костям. По индексам ширины трети

(копытные) передняя и задняя фаланги данной лошади могут быть определены как узкие и отнесены к группе А [Gromova 1949, 45]. Тип передвижения – беговой.

Погребение *Глиное 49/1* содержало чучело лошади, «состоявшее из черепа и нижних конечностей» [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 306]. От него сохранились только несколько постоянных верхних и нижних зубов и их фрагментов. Пол животного не установлен, возраст – около 6 лет.

Во входном колодце захоронения *Глиное 50/1* были найдены подъязычная кость и фаланги пальцев коня – первая передняя и вторые передняя и задняя. Возможно, здесь также находилось чучело коня, уничтоженное в результате ограбления. По признаку индексов ширины первая фаланга укладывается в параметры средних коней [Gromova 1949, 49]. Судя по состоянию эпифизов фаланг, возраст особи превышал 15 месяцев.

От чучела лошади из катакомбы *Глиное 51/1* сохранились кости метаподий и фаланги пальцев. Индексы тонконогости для пястной кости – 14,6 (полутонконогая), для плюсневой – 10,7 (тонконогая). Высота животного в холке, определенная по пястным костям, составляет 138,3 см, по плюсневым – 135,7 см, в среднем – 137 см. Пол и точный возраст не установлены. По индексам ширины пясти и задней фаланги относится к группе средних лошадей. Тип передвижения – беговой.

В погребении *Глиное 52/1* зафиксированы фрагменты черепа коня – затылочная и клиновидная кости, а также две грифельные кости и левая центральная кость предплюсны. Пол и возраст животного не установлены. Данный набор костей может быть остатками чучела, первоначально находившегося во впускной входной яме.

Во входной яме захоронения *Глиное 64/1* находились череп и кости конечностей (сохранились пясть, плюсна и первая передняя фаланга) тонконового жеребца возрастом 7-9 лет, высотой в холке 145,6 см, передвигающегося быстрыми аллюрами. Пясть и первая передняя фаланга по индексам массивности Громовой относятся к группе средних [Gromova 1949, 49]. Левый астрагал коня, обнаруженный во впускном входном колодце, также может быть отнесен к чучелу из основной входной ямы.

Во входной яме катакомбы *Глиное 73/2* зафиксированы две целые лопаточные кости – одна левая и одна правая, а также две нижние челюсти лошадей – одна принадлежала взрослому жеребцу возрастом около 10 лет, другая – более старому жеребцу возрастом 14-15 лет. Таким образом, можно засвидетельствовать наличие в погребении останков двух разно-возрастных особей. Лопаточные кости имеют разную величину параметра наибольшей длины (284,2 мм и 314,3 мм), что также может указывать на их принадлежность двум разным животным. Вероятно, каждая из челюстей в комплексе с лопаточной костью составляли чучело.

Вероятно, в погребении *Глиное 76/1* также находилось чучело коня. В результате ограбления и последующих процессов, повлиявших на сохранность костей, от него сохранились только левый астрагал и правый коренной зуб. Особь взрослая, около 13 лет, пол не установлен.

Во входной колодец захоронения *Глиное 89/1* был помещен конь высотой в холке 136 см, средноногий по пястной кости, тонконогий – по плюсневой. Пол не установлен, возраст – 10-11 лет. Тип передвижения смешанный, в равной степени передвигался беговыми и шаговыми аллюрами.

Во входной яме катакомбы *Глиное 101/2* находились разрушенный череп и фрагменты костей ног жеребенка возрастом 10-15 месяцев. Наличие молочного клыка (прорезывается у жеребцов примерно в 6 месяцев) позволяет определить пол – жеребец. Интересно, что фрагмент правой половины верхней челюсти особи такого же возраста (пол не установлен) был найден в тризне насыпи этого же кургана.

В погребении *Глиное 105/2* зафиксирован единственный случай, когда часть костей (череп и передние конечности) была использована для создания чучела, располагавшегося между третьей ступенью и устьем дромоса № 2. Остальная часть костяка располагалась возле западной стены входной ямы [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 619]. Сохранились изолированные зубы верхней челюсти, нижняя челюсть, кости передних и задних конечностей правой и левой стороны (плечевые, лучевые, пястные бедренные, большие берцовые, плюсневые, кости запястья и предплюсны, фаланги пальцев). Особь

старая – более 16 лет, коронки предкоренных и коренных зубов сильно стертые, средняя по росту (140,1 см). Пол – жеребец, передвигался в основном бегом.

Индексы ширины пястной кости соответствуют группе средних лошадей [Gromova 1949, 49]. Соотношение наибольшей длины пясти к лучевой кости составляет 68,5 %, плюсны к большой берцовой – 74,0 % и 75,3 %, что также указывает на большую быстроту передвижения и вместе с тем характеризует грунт, на котором сформировалась данная особь, как относительно мягкий и влажный.

В верхней части задних стенок правой передней и левой задней первых фаланг отмечены костные разрастания в виде экзостозов, свидетельствующие о воспалительном процессе в области путовых суставов, обусловленном травматическими или инфекционными процессами. При жизни возможна легкая хромота, предполагающая использование животного для легкой работы и на небольших расстояниях.

Третья группа представлена *черепами лошадей*. К ней отнесены четыре погребения: *Глиное 19/3, 34/1, 53/1* и, возможно, *73/1*, а также предварительно внесено погребение *Глиное 2/2* (впускная входная яма). Однако анализ костей из катакомбы *Глиное 2/2* показал наличие двух комплектов костей нижних отделов конечностей, что свидетельствует в пользу присутствия не черепов, а чучел двух коней, которые были рассмотрены во второй группе.

В основном ограбленном погребении *Глиное 19/3* был зафиксирован череп коня [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 166], от которого сохранились только два коренных зуба правой стороны. Состояние изношенности зубов M^1 и M^2 , прорезывающихся приблизительно в 10 и 20 месяцев, свидетельствует, что они принадлежали взрослому, возрастом около 6 лет, животному.

От черепа коня из захоронения *Глиное 34/1* сохранились отдельные расслоившиеся зубы верхней и нижней челюстей, позволяющие установить только примерный возраст особи – 4-5 лет.

В катакомбе *Глиное 73/1* найдены два фрагмента нижнечелюстной кости, принадлежащей взрослой особи. Возможно, в погреб-

бении находился череп лошади, уничтоженный при последующем подзахоронении через входную яму.

1.5. Случайная находка

Во входном колодце погребения *Глиное 74/2* находился верхний клык коня, принадлежащий, судя по сильной степени стертости коронки, старому животному. Так как в кургане не было найдено других останков лошади и остатков тризн, объяснить попадание клыка в заполнение входного колодца неграбленного погребения можно только случайным попаданием с грунтом при засыпке колодца.

Таким образом, коням принадлежало 472 кости, происходящих от 56 особей животных. Из них в тризнах курганов было обнаружено 28 костей от 12 особей, в тризне погребений – 4 кости от 1 особи, в качестве жертвенной пищи – 50 костей от 13 особей. К животным, сопровождающим хозяев, отнесены 389 костей минимально от 29 особей коней.

Установить возраст оказалось возможным в 22 случаях. Учитывая нечеткие возрастные границы, зависящие от условий содержания и эксплуатации лошадей, целесообразным является провести распределение по следующим возрастным группам: жеребята (до 1 года), годовики (1-2 года), молодой (2-5 лет), взрослые (от 6 до 14 лет) и возрастные – старше 14 лет. При таком распределении 1 особь отнесена к жеребяткам (Глиное 101/2), 2 особи попадают в группу годовиков (Глиное 4/1 и 19/3), к молодым животным отнесены 7 особей (Глиное 2/2, 5/1, 18/2, 20/1 (основной колодец), 34/1, 48/1, 51/1). К группе взрослых, чей возраст точно установлен, отнесены 10 коней (Глиное 16/1, 17/1, 18/1, 19/3, 20/1 (впускной колодец), 49/1, 64/1, 73/2, 76/1 и 89/1). Два жеребца (Глиное 73/2 и 105/2) отнесены к группе возрастных. Точный возраст еще 6 особей (Глиное 2/2, 3/1, 20/1, 50/1, 51/1, 52/1) определить невозможно: они отнесены к группе взрослых условно по полностью завершившимся синостозам костей скелета. Отметим, что погрешность в определении возраста коней по зубам может достигать до 6 месяцев для животных в возрасте 2-5 лет, и 1-2 года для особей 6-15 лет, так как состояние зубной системы зависит от строения челюсти, прикуса и качества кормов.

Среди исследованных особей были выделены 10 самцов, в остальных случаях пол не установлен.

Высота в холке определена для 12 лошадей, из них к группам выше средних по росту отнесены 2 коня (18,2 %), к группе средних – 7 (63,6 %), и к малорослым – 2 (18,2 %).

Тип передвижения оказалось возможным установить для 11 коней. Особи из катакомб Глиное 3/1, 48/1, 51/1, 64/1 передвигались быстрыми аллюрами (быстрая рысь, галоп). Вероятно, их использовали для верховой езды. Передвижение коней из захоронений Глиное 2/2, 17/1, 18/1 и 105/2 также в основном было быстрым. Однако для них, в отличие от предыдущей группы, характерно наличие признаков не только быстрого, но и медленного передвижения – шаг, медленная рысь. Еще одна лошадь (Глиное 89/1) характеризуется передвижением смешанного типа, представленным быстрыми и медленными аллюрами поровну. Такая картина может быть следствием содержания животных в табунах и отсутствия постоянного тренинга начиная с раннего возраста. Кони, передвигающиеся исключительно медленными аллюрами (шагом и медленной рысью), находились в погребениях Глиное 2/2 и 20/1.

По индексам массивности фаланг животные относятся преимущественно к группе В (широконогие) – две особи из тризны кургана Глиное 116, кони из погребений Глиное 4/1 и 17/1, одна из особей захоронения Глиное 20/1. Средненогоми оказались один из коней тризны кургана Глиное 116, кони из погребения Глиное 18/1, два коня из катакомбы Глиное 51/1 и конь из захоронения Глиное 64/1. Определение индексов массивности первых фаланг показало смешение признаков у отдельных животных, по индексам передних фаланг принадлежащих к группе В, а по индексам задних – к группе Б (две особи из погребения Глиное 20/1 и конь из катакомбы Глиное 2/2). Таким образом, некоторая часть коней могильника Глиное по признаку массивности фаланг могла иметь более северное (лесостепное) происхождение, сформировавшись на относительно влажных почвах. Наличие же лошади с узкими копытами (Глиное 48/1) свидетельствует о ее формировании на более сухом и твердом грунте.

Рассмотренные материалы дают возможность утверждать, что в погребения помещали в основном взрослых коней, реже – молодых, еще реже – старых и годовиков и, крайне редко, жеребят. Соотношение самцов и самок установить по имеющимся материалам невозможно. Высота животных в холке составляла 135-145,6 см, но большинство животных (9 особей) было средними по росту, 2 – выше средних, и 1 – ниже средних. Передвижение коней Глиного характеризуется как беговым (4 особи) и шаговым (2 особи), так и смешанным типом, сочетающим бег и шаг (5 особей). В последнем случае признаки быстрых аллюров все же преобладают, за исключением коня из захоронения Глиное 89/1, где они распределены поровну. Численное выражение признаков типа передвижения оказывается более близким как к современным беговым лошадям, так и к лошади Пржевальского, что может свидетельствовать в пользу табунного содержания лошадей Глиного. Возможно, определенную часть коней не тренировали с раннего возраста специально для выполнения определенной работы и использовали их и для езды верхом, и как тягловую силу. Лошади шагового типа с более массивными пястными костями (средненогоие по А.А. Браунеру) могли перевозить грузы – о серьезных нагрузках свидетельствует воспаление путового сустава коня из погребения Глиное 20/1, полученное уже в достаточно молодом возрасте. Кони, передвигающиеся медленными аллюрами, соответственно, имели и более массивную, тяжелую конституцию.

2. Бык домашний

Кости этого вида встречены в составе тризн в насыпях и рвах курганов, во входных колодцах погребений, а также в погребениях в качестве жертвенной пищи. В отдельных случаях можно выделить кости быка домашнего, являющиеся частью погребального инвентаря (таранные кости).

2.1. Тризны в насыпях и рвах курганов

Кости быка домашнего зафиксированы в составе тризн в насыпях курганов Глиное 19, 86, 93, а также во рвах курганов Глиное 34 и 116.

В насыпи кургана Глиное 19 в составе тризны находилась правая крупная лопатка

взрослого животного, возможно, быка. Во рву кургана Глиное 34 были найдены левая пяточная кость полувзрослой особи, фрагмент ребра и шейный позвонок, возможно, также принадлежащие этому же животному. В тризне кургана Глиное 86 зафиксированы 2 ребра и диафизы плечевой и большой берцовой костей, в тризне кургана Глиное 93 – левая локтевая кость с неприсосшим бугром локтевого отростка, принадлежащая полувзрослой особи. В заполнении северной дуги кургана Глиное 116 находилась левая лопатка взрослого животного, пол не установлен.

2.2. Тризны в погребениях. Отмечены в катакомбах Глиное 2/3, 41/1, 43/2, 49/1, 64/1, 92/1, 101/2, 102/4 и Чобручи 2/3.

Во входном колодце погребения Глиное 41/1 находилась затылочная часть черепа, в самом погребении – целая нижняя челюсть, фрагменты черепа, нижние части правой и левой лучевых и правой большой берцовой костей, одна первая и две третьи (копытные) передние фаланги пальцев мелкой взрослой особи, вероятно, коровы. Во входной яме катакомбы Глиное 101/2 были найдены верхняя и нижняя челюсти и левая лопатка животного возрастом 2,5-3 года, пол не установлен. Фрагмент бедренной кости зафиксирован во впускном колодце захоронения Глиное 43/2 вместе с тремя фрагментами ребер. Во впускном входном колодце погребения Глиное 49/1 находилась левая плечевая кость взрослой мелкой особи. В тризне катакомбы Глиное 76/1 были найдены левая плечевая и два фрагмента поясничных позвонков, во впускном входном колодце захоронения Глиное 88/1 находились правая лопатка и три ребра, во впускном входном колодце погребения Глиное 97/1 – левая плечевая от полувзрослой особи. На дне входной ямы катакомбы Глиное 104/1 были обнаружены два скола диафиза правой лопатки. Во входной яме № 1 захоронения Глиное 102/4 были найдены кости двух особей: левая половина нижней челюсти взрослого животного, левые лопаточная, плечевая и верхняя часть плюсневой костей, правые лучевая, нижняя часть бедренной, таранная и пяточная кости, коленная чашечка, а также фрагмент крестца, принадлежащие особи возрастом около 1-1,5 лет.

Кроме того, в тризне из входного колодца погребения *Чобручи/Источник 2/3* находилась нижняя часть левой бедренной кости полувзрослой особи.

2.3. Жертвенная пища. Зафиксирована в погребениях *Глиное 13/3 (миска), 22/1 (миска), 28/1, 33/2, 36/1, 38/1, 41/1, 41/2 (миска), 42/1, 43/2 (миска), 45/1, 46/3, 49/1, 52/1, 54/1, 54/3, 56/1, 57/1 (западная камера), 57/1 (восточная камера), 58/1, 60/1, 60/2 (миска), 66/2 (миска), 68/2, 69/1, 71/1 (камера), 74/2 (миска), 75/2, 76/1 (камера 2), 76/1 (камера 2, миска), 80/1, 81/2, 89/2, 89/2 (миска), 93/1 (миска), 93/2 (дромос), 93/2 (камера), 94/1 (миска), 94/1 (восточная камера), 96/1 (миска), 98/1 (камера), 103/1 (миска), 104/1, 106/1 (восточная камера), 109/1 (миска).*

По костям жертвенной пищи, представленным, как правило, единичными фрагментированными экземплярами, возможно только приблизительное определение возраста. Всего было изучено 70 фрагментов костей, принадлежащих минимально 43 особям. Из них 17 были забиты в возрасте 9-18 месяцев (40,5 %), а 25 – в возрасте свыше 1,5 лет (59,5 %). Одна плечевая кость принадлежала молодой (до 1 года) особи, 3 – полувзрослым животным, достигшим размеров взрослых, но не половозрелым, с несформированным скелетом. В случае быка домашнего полувзрослыми можно считать особей старше 1 года, но моложе 2,5-3 лет. Синостоз коракоидного отростка лопаточной кости быка домашнего происхождения в возрасте 9 месяцев [Vokken, Glagolev, Bogoljubskij 1961, 230]. На 26 лопатках коракоидный отросток прирос, и суставная поверхность полностью сформировалась, у 6 костей коракоид неприросший, у 4 – частично приросший. Таким образом, остальные лопаточные кости могут принадлежать животным старше 1,5 лет (полувзрослым) и старше 2,5-3 лет.

Из данных табл. 2 очевидно, что в качестве жертвенной пищи в основном использовали лопаточную часть (36 погребений), в отдельных случаях – с первыми 4-5 ребрами (8 погребений), а также плечевую часть туши – верхнюю (4 погребения) или нижнюю (2 погребения). Отсутствие ребер при наличии лопаточной кости в большинстве захоронений

может быть связано с плохой сохранностью археозоологического материала в целом. В отдельных случаях в погребения клали другие части туши. Так, в погребение *Глиное 49/1* были помещены часть правого бедра и голяшки, в захоронение *Глиное 98/1* – левая половина костреца. В катакомбе *Глиное 41/1* находились череп, нижняя челюсть, нижние части правой и левой лучевых костей, нижняя часть правой большой берцовой кости и 3 фаланги пальцев, принадлежащие зрелой особи.

В некоторых погребениях отмечено несколько порций жертвенной пищи: в камере погребения *Глиное 76/1* обнаружена правая лопатка, в миске из этого же комплекса – левая лопатка, принадлежащие, вероятно, одной особи. В захоронении *Глиное 89/2* найдены парные лопаточные кости (правая и левая), которые также могут принадлежать одной особи, а в восточной камере катакомбы *Глиное 106/1* – две левые лопаточные кости, принадлежащие, соответственно, двум особям. В захоронении *Глиное 94/1* найдена левая верхняя часть плечевой кости полувзрослой особи, а в миске этого же погребения – левая лопатка, принадлежащая крупной взрослой особи, вероятно, быку.

Таким образом, при выборе жертвенной пищи предпочтение отдавали передним частям туши быка домашнего. Незначительное преимущество отмечено при выборе стороны – в 51,1 % случаев использовали левую переднюю, а в 44,5 % – правую переднюю конечности. Очень редко употребляли заднюю часть – кострец (часть с тазовой костью) и бедро (с бедренной костью). В могильнике Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье по материалам раскопок 1988-1992 гг. отдавали явное предпочтение передней левой части туши быка домашнего (лопаточно-плечевой отруб с голяшкой). В 54 случаях (96,4 %) из 56 в качестве жертвенной пищи была использована именно левая передняя часть туши. В погребальных ритуалах использовали в качестве жертвенной пищи не только левую, но и правую сторону передней части туши крупного рогатого скота. Традиция крайне редко помещать в могилу мясо задней части туши в Глином сохраняется. Кулинарные качества мяса задней части туши (особенно верх тазобедренного отруба) во

Часть туши (отруб)	Правая сторона	Левая сторона	Всего	Примечание
Лопаточный	17	20	37	6 juvenilis, 4 subadultus.
Плечевой	3	3	6	1 juvenilis, 3 subadultus.
Всего передняя конечность	20 (44,5%)	23 (51,1%)	43	
Тазовый	-	1	1	
Бедренный	1	-	1	
Всего задняя конечность	1 (2,2%)	1 (2,2%)	2	
Всего	21 (45,5%)	24 (54,5%)	45 (100%)	

Таблица 2. Распределение частей скелета быка домашнего в жертвенной пище.

Table 2. Distribution of the skeleton parts of the domestic bull in the sacrificial food.

многом лучше, чем лопаточно-плечевой и передней голяшки. Отметим также, что в скифских погребениях III-II вв. до н. э. из Глиного жертвенная пища значительно уменьшается количественно, будучи представлена более дробными частями туш – фрагментами только лопаточной или плечевой их частей.

3. Мелкий рогатый скот

Кости мелкого рогатого скота определялись до вида, но в ряде случаев, когда видовое определение оказалось невозможным, сохранившиеся фрагменты были отнесены к мелкому рогатому скоту (*Ovis/Capra*). Кости мелкого рогатого скота были найдены: в тризнах курганов (ров кургана Глиное 94, насыпь кургана Глиное 101), а также во входных ямах катакомб Глиное 102/4 и Глиное 107/1 (вместе с костями собаки). Кости овец обнаружены во входных ямах погребений Глиное 19/3 (вместе с собакой) и Глиное 115/1, в мисках – в захоронениях Глиное 13/3, 46/4, на блюде – в катакомбе Глиное 69/2, в составе жертвенной пищи – в могилах Глиное 12/2, 19/3, 41/1, 47/1, 56/3, 92/2, 94/2, 94/3, 101/1, 102/1, 107/1, 107/2, в погребении Глиное 96/2 (вместе с собакой) и в захоронении Глиное/Плавни 2/2.

3.1. Тризны в курганах. В двух случаях кости мелкого рогатого скота были зафиксированы в тризнах курганов: в насыпи кургана Глиное 101 – фрагмент левой большой берцовой кости, во рву кургана Глиное 94 – фраг-

менты челюстей и изолированные зубы двух особей – полувзрослой и взрослой.

3.2. Тризны в погребениях. Астрагал овцы найден вместе с костями скелета собаки во входной яме ограбленного захоронения Глиное 19/3. Вероятно, он был перемещен во время ограбления. Во входной яме погребения Глиное 102/4 зафиксирована левая верхнечелюстная кость с молочными зубами и первым коренным постоянным зубом. Возраст особи – более 4, но менее 9 месяцев. Там же найден нижний левый третий коренной зуб мелкого рогатого скота, принадлежащий взрослой особи. Во входной яме катакомбы Глиное 107/1 зафиксирована левая бедренная кость полувзрослой (около 1-1,5 года) особи мелкого рогатого скота. Во входной яме № 1 захоронения Глиное 115/1 обнаружена нижняя часть левой плечевой кости овцы.

3.3. Жертвенная пища. В погребении Глиное/Плавни 2/2 были найдены кости правой лопаточно-плечевой части туши овцы. Возраст особи около 10 месяцев. В захоронении Глиное 19/3 находились череп с нижней челюстью и нижние части передних и задних конечностей ягненка возрастом 9-10 месяцев. Нижние отделы левых передней и задней конечностей (пястная и плюсневая кости) овцы отмечены в катакомбе Глиное 41/1. Возраст данной особи около 1,5 лет, определен по времени синостоза дистальных эпифизов метаподий [Vokken, Glagolev, Bogoljubskij 1961, 232].

В погребение *Глиное 47/1* была помещена правая часть крестца с бедром полувзрослой (1-1,5 года) особи, а в захоронение *Глиное 107/2* – левая бедренная часть полувзрослой особи овцы. В катакомбе *Глиное 13/3* в миску были положены правые лопатка и бедро полувзрослой (1-1,5 года) овцы, а в погребение *Глиное 69/2* на блюдо – правые бедро и голень овцы возрастом 2-2,5 лет. В захоронении *Глиное 96/2* найдена правая лопатка овцы.

Наиболее часто в качестве жертвенной пищи использовали плечевую часть правой (5 случаев – *Глиное 46/4, 56/3, 94/2, 101/1* и *107/1*) или левой (4 случая – *Глиное 12/2, 92/2, 94/3* и *102/1*) стороны туши овец. Из девяти плечевых костей овец две принадлежали взрослым особям (старше 2-2,5 лет), семь – полувзрослым особям, не достигшим двухлетнего возраста.

Высота в холке, вычисленная по наибольшей длине лопатки, плечевой, пястной и плюсневой костей овец из погребений *Глиное 12/2, 19/3, 41/1, 46/4, 56/3* и *96/2*, варьируется в диапазоне 54,7-65,4 см, в среднем составляя 60,7 см. Овцы из *Глиного*, таким образом, не отличались особенно крупными размерами. Их высота в холке укладывается в параметры овец степной зоны Северного Причерноморья, приводимые В.И. Цалкиным: рост более 70 % особей составлял 56-66 см [Tsalkin 1966, 32].

4. Свинья домашняя

Кости кабанов и свиней являются крайне редкими находками. Отличить кости дикого кабана от таковых свињи домашней возможно в основном по их размерам. Возраст и небольшие размеры костей животных в данном случае могут свидетельствовать в пользу их принадлежности свињи домашней.

В тризне рва кургана *Глиное 70* был найден фрагмент правой верхней челюсти с уже вышедшими и стертymi M^{1-2} и находящимся в челюсти M_3 . Соответственно, возраст животного составлял примерно 20-22 месяца. В тризне кургана *Глиное 86* вместе с костями крупного рогатого скота находились правая плечевая и нижний фрагмент левой бедренной кости свињи возрастом около 2 лет.

5. Собака. Кости собак обнаружены в тризне кургана *Глиное 93*, а также в погребениях

Глиное 4/1, 5/1, 7/1, 9/1, 11/1, 12/1, 13/3, 14/1, 15/1, 15/2, 18/1, 19/1, 19/2, 19/3, 20/1, 21/1, 22/1, 27/1, 28/1, 30/1, 32/1, 36/1, 36/2, 41/1, 41/2, 42/1, 48/1, 50/1, 51/1, 52/1, 54/2, 57/1, 58/1, 62/1, 65/1, 67/4, 68/1, 69/2, 71/1, 76/1, 77/1, 79/1, 83/1, 86/1, 88/1, 89/1, 89/3, 92/1, 94/1, 96/2, 97/1, 99/1, 99/2, 101/2, 102/4, 103/1, 105/2, 106/1, 107/1, 107/3, 109/1, 111/2, 111/3, 115/1.

Единственная находка кости собаки в тризне – правая бедренная кость взрослой особи – была сделана в кургане *Глиное 93*. Вероятно, она попала в насыпь случайно, в результате перемещения из первоначального местонахождения.

Все остальные кости собак были обнаружены в катакомбах. В отдельных случаях в захоронениях зафиксированы кости скелетов двух особей – во входном колодце погребения *Глиное 57/1*, в захоронениях *Глиное 7/1, 20/1, 65/1, 67/4* и *77/1*. В могилах *Глиное 62/1* и *69/2* собаки были помещены в основную и во впускную входные ямы. В общей сложности были изучены кости 75 скелетов собак различной сохранности. Костный материал значительно фрагментирован и в большинстве случаев представлен изолированными зубами, мелкими фрагментами черепов и длинных костей скелета, что затрудняет определение пола, точного возраста и экстерьера животных.

Высота в холке определена для 32 собак. Самые крупные особи с высотой в холке 57-59,7 см (рост определен по методике Кудельки) или 60,1-63,9 см (по коэффициентам А.А. Браунера) были найдены в захоронениях *Глиное 7/1, 20/1, 28/1, 58/1, 51/1, 77/1* и *106/1*. Особи с наименьшей высотой зафиксированы в погребениях *Глиное 12/1, 15/1, 41/2, 57/1* и *89/2*. Их рост составляет 46,7-49,8 см (по А.А. Браунеру – 50,1-53,1 см).

Возраст собак был установлен по состоянию зубной системы и степени окостенения костей скелета. Щенки были захоронены в погребениях *Глиное 11/1, 19/3, 22/1, 27/1, 28/1, 30/1, 32/1, 42/1, 48/1, 58/1, 67/4, 71/1, 83/1, 94/1, 96/2, 109/1*. В захоронениях *Глиное 28/1, 42/1* и *67/4* были помещены полугодовалые щенки, в могилы *Глиное 27/1* и *96/2* – примерно девятимесячные животные. Возраст собак из катакомб *Глиное 71/1* и *83/1* составлял около 11 месяцев, из погребений *Глиное 22/1, 30/1* и

48/1 – около 12 месяцев. Возраст особи из захоронения Глиное 19/3 определен в диапазоне 6-12 месяцев, особей из катакомб Глиное 11/1 и 58/1 – немногим более 12 месяцев.

У собаки из погребения Глиное 94/1 постоянные зубы вышли, но эпифизы лучевой, бедренной, большой берцовой костей не приросли, что позволяет определить возраст животного в пределах 6-11 месяцев. У особи из входной ямы катакомбы Глиное 109/1 хорошо заметны швы дистальных эпифизов плечевой, бедренной и большой берцовой костей, что также свидетельствует о достаточно молодом, вероятно, немногим более года, возрасте животного. Судя по хорошо заметному шву дистального эпифиза большой берцовой кости и приросшему бугру пяточной, возраст особи из погребения Глиное 32/1 был примерно таким же, как и у собаки Глиное 109/1. Клыки собаки из захоронения Глиное 11/1 не притупились, а на дистальном эпифизе большой берцовой кости имеется шов, что позволяет отнести ее к молодым животным.

К следующей возрастной группе можно отнести животных из захоронений Глиное 14/2, 62/1, 89/3 (камера), 91/1, 97/1, 102/4 (впускная входная яма). Их характеризует полная смена зубов, белый цвет зубной эмали и отсутствие зубного камня. Бугорки зубов не стерты, вершины коронок клыков не притуплены. Эти особи, очевидно, могут быть отнесены к возрастному диапазону 2-3 года, хотя данная оценка возраста является приблизительной и зависит от многих факторов, прежде всего, от характера питания. Тем не менее, эти собаки были моложе животных следующей группы.

К группе *взрослых собак*, чей возраст точно не установлен (предположительно, 3 года и более) можно отнести животных из захоронений Глиное 4/1, 5/1, 7/1, 9/1, 12/1, 15/1, 19/1, 19/2, 21/1, 36/1, 36/2, 41/1, 41/2, 50/1, 51/1, 52/1, 54/2, 57/1 (две особи), 62/1, 65/1 (две особи), 67/4, 68/1, 69/2 (две особи), 76/1, 77/1 (две особи), 79/1, 86/1, 88/1, 89/1, 92/1, 99/1, 99/2, 101/2, 103/1, 105/2, 106/1, 107/1, 107/3, 111/2, 111/3, 115/1.

Собаки из погребений Глиное 13/3, 15/2, 18/1, 20/1 (две особи), 64/1 – наиболее возрастные. Они характеризуются значительно стертыми зубами, желтым цветом зубной эмали и полным окостенением костей скелета.

В ряде случаев имеются *данные о способе умерщвления собак*. На черепе собаки из захоронения Глиное 7/1 зафиксировано вдавление части левой теменной кости без ее разрушения. Удар был нанесен предметом ромбовидной формы. Размеры вдавления 3,5x1,3 см. На черепе собаки из погребения Глиное 58/1 имеется вдавление части левой лобной кости в районе скулового отростка. Удар был нанесен предметом, имеющим форму равно-стороннего треугольника размером 1,5x1 см. На черепе собаки из впускной входной ямы катакомбы Глиное 105/2 пробита правая теменная кость, очевидно, с повреждением мозгового вещества. Отверстие овальной формы, размерами 2x1,5 см, находится ближе к сагиттальному гребню. На медиальной стороне левой лопаточной кости собаки из впускного колодца погребения Глиное 15/1 имеется пробитое несквозное отверстие размерами 0,8x0,5 см. Следы прижизненного заживления отсутствуют. Очевидно, при нанесении удара слева снизу могли быть затронуты жизненно важные органы – легкое и сердце, что и послужило причиной смерти. Между ребрами собаки из входной ямы впускного погребения Глиное 19/2 был найден железный наконечник стрелы [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 162], вероятно, имеющий отношение к смерти животного. Характер нанесенных травм свидетельствует, что собак в погребения помещали либо уже мертвыми, либо оглушенными.

Археозоологические материалы не свидетельствуют в целом о «почтительном» отношении к собаке – об этом говорят прижизненные травмы. Так, затылочные гребни черепов собак из погребений Глиное 7/1 и 58/1 сбиты набок, гребень черепа собаки из погребения Глиное 106/1 расплюснут ударами сверху. Метаподии собак из погребений Глиное 77/1 и 106/1 несут следы заживших переломов с образованием костной мозоли и утолщением диафиза костей. Травмы нанесены при жизни, что доказывает жестокое обращение с животными.

Расположение собак во входных ямах катакомб свидетельствует, что они продолжали нести охранную службу при своих хозяевах в загробном мире. В Северо-Западном Причерноморье немногочисленные погребения собак во входных ямах катакомб известны

из могильников левобережья Нижнего Дуная [Sinika, Tel'nov, Lysenko 2018, 87]. Количество собак в Глином значительно превосходит их число в других известных могильниках Северо-Западного Причерноморья. Принесение собаки в жертву при погребении подтверждает ее важное значение в мифологических представлениях.

Культовые захоронения собак хорошо известны, в первую очередь, у скифов Северного Причерноморья и Кавказа.

Наиболее ранним комплексом, где был найден череп собаки, является курган 9 Краснознаменского могильника на Северном Кавказе. Изначально, видимо, животное было положено на уступ, возле лошадей. Курган датирован второй четвертью VII в. до н. э. [Petrenko 2006, 44, 53, 109-110, 114, tabl. 42].

В кургане Малая Цимбалка в Нижнем Поднепровье в погребении V в. до н. э. в дромосе перед входом в камеру лежал череп собаки [Il'inskaja, Terenozhkin 1983, 97]. Также V в. до н. э. датируется захоронение у с. Станишино, где были обнаружены два скелета собак [Ol'hovskij 1991, 73]. На правобережье Южного Буга погребение собаки известно в гробнице Каменная Балка 6/2 [Shaposhnikova et al. 1977, 94, tabl. XXV]. Костяк собаки зафиксирован в яме, где был погребён хозяин, на циновке, под которой было деревянное блюдо с золотыми обивками. Комплекс датирован не позднее третьей четверти V в. до н. э. [Polin 2014, 204].

По одному скелету собак зафиксировано в курганах Раскопана Могила, вместе с захоронением лошади [ОАК за 1897, 137; Jevarnickij 1901, 725], второй четверти IV в. до н. э. [Aleksseev 1987, 30], и Чертомлык, у входа в юго-восточную камеру Центральной гробницы [Aleksseev, Murzin, Rolle 1991, 64] третьей четверти IV в. до н. э. [Polin 2014, 449]. Разрозненные кости собаки происходят из Боковой гробницы Чмырёвой Могила [ОАК за 1898, 27] и из Северной могилы Чертомлыка [Zhuravljov 1989, 48]. Также следует упомянуть собаку из входной ямы Северной могилы кургана конца IV в. до н. э. Огуз¹. Из менее известных степных скифских погребений IV в. до н. э. с захоронениями собак необходимо отметить погребения у с. Любимовка [Ol'hovskij 1991,

118] и в кургане 2 у с. Кирова [Chernenko 1967, 182], захоронения 3/1 (собака положена в специальную нишу в яме) и 5/3 могильника Мамай-Гора [Andruh, Toshhev 1994, 13; Sekerskaja 1994, 172; Andruh, Toshhev 1999, 22, 44, ris. 11,1; Sekerskaja 1999, 210, 211, 216-218] в Нижнем Поднепровье, а также в кургане Цыганка [Ol'hovskij, Shilov 1995, 111] в Нижнем Подунавье. На территории Румынии захоронения собак известны в скифских погребениях IV в. до н. э. у сс. Чипэу и Бэйца [Vasiliev 1980, 51]. Известно только одно скифское погребение из лесостепного Среднего Поднестровья с захоронением собаки: в деревянной гробнице IV в. до н. э. у с. Косоуцы Сорокского р-на Республики Молдова были обнаружены целый костяк собаки и отдельный череп [Manzura 1982, 125]. В Крыму захоронения собак обнаружены в склепах 2-го Змеиног кургана [ОАК за 1889, 13; Tsvetaeva 1968, 59] и в кургане 7 у с. Ильичёво [Jakovenko, Chernenko, Korpusova 1970, 145; Ol'hovskij 1991, 144] IV в. до н. э., на Таманском полуострове – в склепе Васюринского кургана [Tsvetaeva 1968, 79] III – первой четверти II в. до н. э. [Sharov 2009: 299-303; Polin 2014, 610].

Зафиксирован единственный случай захоронения анатомически целого костяка собаки во рву – в кургане 13 у с. Новое Запорожье [Pleshivenko 1991, 145]. Отчленённый череп собаки зафиксирован у перемычки рва кургана 15 курганной группы Волчанск-1 [Polin, Kubyshev 1997, 14, ris. 13,1]. Кости собак происходят из тризны во рву кургана 27 у с. Головкивка (Polin, Turchienko, Nikolova 1994, 16); клыки волка или собаки – изо рва кургана 1 у с. Владимировка [Polin, Kubyshev 1997, 22, 61, pril. 1].

В Северо-Западном Причерноморье в V – начале III в. до н. э. погребения собак во входных ямах катакомб также представляют редкость. Известно восемь подобных комплексов. Все эти катакомбы исследованы в Подунавье.

В катакомбах Васильевка 22/1 [Subbotin, Ostroverhov, Ohotnikov, Redina 1992, 13, ris. 10,1] второй половины IV в. до н. э. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 726], Дервент 4/1 [Gudkova, Sunichuk 1985, 6, tabl. 18,2, 19,1-3] последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 726], Кубей 13/1 [Subbotin, Ostroverhov, Ohotnikov, Redina 1992, 11, ris. 6,11] последней четверти

1. Данные автора настоящей работы Е.П. Секерской.

IV – первой четверти III в. до н. э. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 727], Кугурлуй 25/2 [Gudkova, Sunichuk 1985, 57, tabl. 113,2,3, 114,1] последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 727] захоронения собак были зафиксированы вместе с погребениями лошадей во входных ямах.

Ещё два погребения в катакомбах, где были обнаружены костяки собак, происходят из могильника Кугурлуй. В одном из них (захоронении 23/2) были обнаружены кости собаки (вместе с костями птицы) на дне входной ямы, у входа в дромос [Gudkova, Sunichuk 1985, 54, tabl. 110,1-3]. Данный комплекс датирован III в. до н. э. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 733]. В катакомбе Кугурлуй 26/2 последней четверти IV – первой четверти III в. до н. э. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 733] в выемке перед входом в дромос был обнаружен костяк собаки [Gudkova, Sunichuk 1985, 58, tabl. 116,1-3].

На дне входной ямы катакомбы Градешка 16/1 конца IV – первой половины III в. до н. э. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 733] были найдены «кости взрослой собаки» [Gudkova, Sunichuk 1985, 91, tabl. 159,1-3]. «Кости животного» на ступеньках, ведущих их входного колодца в погребальную камеру неограбленной катакомбы Дервент 5/1 [Gudkova, Sunichuk 1985, 7], по всей видимости, также принадлежали собаке. Комплекс датируется первой половиной III в. до н. э.

Отметим, что присутствие собак в курганах V-IV вв. до н. э., как правило, маркирует захоронения лиц высокого социального ранга – знати и военной аристократии. Так, Е.Ф. Редина связывала захоронения собак Нижнедунайской группы могильников с богатыми погребениями [Redina 1989, 33]. В целом, Нижнедунайские могильники уже демонстрируют увеличение количества собак. Суммарно в скифских погребениях междуречья Днестра и Дуная определено 6 собак, что составляет 9,5 % от 63 особей всех определенных животных [Andruh, Sekers'ka 1999, 116]. Для сравнения, приведем материалы Мамай-Горы, где по результатам раскопок 1988-1992 гг. из 212 определенных особей животных собак было только 2 (0,94 %). Что касается скифских памятников левобережья Нижнего Днестра в окрестностях с. Глиное, то здесь заметно дальнейшее развитие погребальной об-

рядности, в которой использовались собаки. Это могло быть обусловлено как непосредственным увеличением количества этих животных в процессе оседания на землю, так и внешними влияниями, в основном со стороны фракийской культовой практики.

6. Благородный олень. В западной части входной ямы погребения *Глиное 14/1* был найден фрагмент главного ствола рога самца благородного оленя с частью первого и второго надглазничных отростков. Длина фрагмента 28,8 см, обхват основания – 6 см. Сохранились остатки розетки – свидетельство, что рог был сброшен. Обычно олени сбрасывают рога в марте-апреле, но в теплые зимы сброс возможен и в феврале. Первый надглазничный отросток образует с главным стволом почти прямой угол и расположен близко к розетке, следовательно, особь не была старой, так как у возрастных животных угол становится тупым. Предположительный возраст особи, определенный по расположению первого надглазничного отростка и величине розетки, лежит в диапазоне 8-10 лет. Размещение рога во входной яме может иметь жертвенное значение и обозначать роль оленя как животного – «хранителя» или проводника в загробный мир. Последнее весьма вероятно, если принять во внимание отсутствие костей коня и наличие предметов конской упряжи [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 132-134].

7. Заяц

Кости скелета зайца были обнаружены в нише камеры погребения *Глиное 13/1* и предварительно определены как кости домашнего кота [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 122]. Череп животного не сохранился, остались кости осевого скелета и конечностей, изучение которых не оставляет сомнений в их принадлежности зайцу. Размеры (наибольшая длина плечевой, лучевой, бедренной и большой берцовой костей составляет, соответственно, 111,3 мм, 119,4 мм, 147 мм и 159 мм) и строение костей конечностей характерны для зайца-русака.

Отметим, что образ зайца не был особенно популярным в скифском «бестиарии», хотя и использовался среди прочих образов звериного стиля на протяжении второй половины

VII – второй четверти IV в. до н. э. [Kantorovich 2015, 838-845].

Д.С. Раевский отмечал, что заяц в скифской зооморфной символике соответствовал водной стихии и связывался с идеей плодородия, трактовавшейся в архаических концепциях как эквивалент благополучия и богатства вообще [Raevskij 2006, 335-336]. Возможно, животное было помещено в погребение скифянки как жертва, призванная сохранить богатство и могущество погребенной в загробной жизни.

8. Черепаха

В устье камеры погребения *Глиное 61/1* и в дромосе основного ограбленного захоронения *Глиное 101/2* были найдены болотные европейские черепахи. В катакомбе *Глиное 61/1* черепаха представлена фрагментами верхней (карапакса) и нижней (пластроны) пластин, а в могиле *Глиное 101/2* кроме карапакса и пластроны присутствуют кости конечностей и осевого скелета. Примечательно, что в захоронении *Глиное 61/1* было найдено зеркало, являющееся, как и черепаха, одним из атрибутов Афродиты.

Черепаха – животное, связанное с хтоническим миром [Andreev 1994, 10]. В Теогонии Гесиода [Hesiod., 189-206] отражено именно древнее, хтоническое происхождение Афродиты. Сообщение о почитании богини скифами можно найти у Геродота [Herod., IV, 59].

Находки черепах в скифских захоронениях Северного Причерноморья крайне редки. Авторам настоящей работы известны всего семь находок панцирей черепах в скифских погребениях Поднепровья IV в. до н. э.: Кут 4/1 [Berezovets' 1960, 41], а также в шести захоронениях (3/1, 8/5, 27/2, 63/1, 67/9 и 94/1) могильника Мамай-Гора [Andruh, Toshhev 1999, 22; Sekerskaja 1999, 210, 211; Andruh 2001, 60, 82, 138; Andruh, Toshhev 2009, 51].

9. Змея

Интересным представляется археозоологический комплекс из погребения *Глиное 38/1*, где найдены 16 позвонков и 2 ребра змеи, неопределенной до вида. Кости змеи были обнаружены на женском костяке, разрушенном при подзахоронении. Змея присутствует в мифологической традиции скифов, в которой

она олицетворяет нижнюю зону мира [Raevskij 2006, 41, 64]. Существование культа змеи у скифов подтверждается и материалами из Бельского городища [Shramko 1987, 135-136]. Змеи в мировоззрении ираноязычных народов выступают и как покровительницы земледелия, символизируют возрождение. В то же время отметим, что образ этого пресмыкающегося является одним из наиболее распространенных во фракийском искусстве (оформление окончаний различных украшений в виде змеиных головок и т. д.). В погребениях скифо-сарматского круга кости змей встречаются чрезвычайно редко. Трудозатраты на сооружение катакомбы *Глиное 38/1*, золотые украшения, связанные с первичным женским захоронением, могут быть показателем высокого социального статуса погребенной. При этом находки костей змеи позволяют предположить связь последней с отправлением культа змеи.

По опубликованным материалам известно, что змеи сопровождали женские погребения или коллективные, но с обязательным присутствием женщин [Kashaev 2009, 220].

10. Инвентарь

Костяные и роговые артефакты из скифских погребений III-II вв. до н. э. были изучены В.Б. Панковским. Рог благородного оленя, а также кости и панцири болотных черепах не показали наличия следов обработки или изнашивания, и были отнесены к дикой фауне [Pankovskij 2016, 1003]. Среди других исследованных объектов, не имеющих следов обработки и использования, были 1 кость метаподия взрослой собаки и еще 6 костей передней лапы собаки из погребения *Глиное 69/2* [Pankovskij 2016, 1003], принадлежащие двум разным особям из основной и впускной ям данного комплекса [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 418-419]. Не отмечены следы и на двух фрагментах каудального края правой лопатки быка домашнего, происходящих из погребения *Глиное 104/1*.

В целом, В.Б. Панковский выделил два трофея с неясными функциями – коготь взрослого волка (*Глиное 95/1*) и клык кабана (древний горизонт кургана *Глиное 113*) [Pankovskij 2016, 1004-1034]. Кроме того, им были определены и исследованы костяные и роговые артефакты, в том числе пряжки из рога лося и

благородного оленя (*Глиное 17/1 и 71/1*), цельнороговые рукояти ножей из отростков рогов оленя (*Глиное 25/1, 74/2, 91/1 и 95/1*), роговые ворворки (*Глиное 36/2, 81/1*) и бусина (*Глиное 46/4*). К костяным артефактам отнесены ручка зеркала из левой лопатки быка домашнего (*Глиное 74/2*), наконечник стрелы (*Глиное 87/1*) и две бусины – одна из компакты кости (*Глиное 75/1*) и одна из диафиза трубчатой кости птицы или мелкого животного (*Глиное 46/4*). Другие изученные находки являются когтями хищных птиц, просверленными в проксимальной части – орла (*Глиное 31/1, 91/2*), орла или орлана-белохвоста (*Глиное 69/2*) и беркута (*Глиное 31/1*). Также отмечены просверленные клыки свиней дикой или домашней формы (*Глиное 36/1, 69/2, 91/2*).

Этот перечень в настоящее время может быть дополнен правым астрагалом взрослой особи быка домашнего из основного входного колодца погребения *Глиное 20/1* и 6 фрагментами эмали от клыков кабана в погребении *Глиное 69/2*. Кроме того, к инвентарю, скорее всего, относится левый астрагал взрослой особи быка домашнего, найденный в погребении *Глиное/Плавни 2/2*. Скорее всего, к инвентарю можно отнести и левый астрагал овцы из погребения *Глиное 91/1*. Таким образом, по опубликованному ранее данным видовой перечень животных из скифских памятников III-II вв. до н. э., изученных у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, может быть дополнен такими видами, как лось, кабан (?), волк и хищные птицы – орёл, беркут и орлан-белохвост (?).

11. Неопределимые до вида животные

В отдельных случаях сохранность костей не позволяет определить их видовую принадлежность. Неопределимые до вида фрагменты костей крупных копытных найдены в погребениях *Глиное 27/1 (входная яма), 43/2 (дно впускного входного колодца), 36/4, 89 (ров), 92/1 (входная яма), 99/1 (миска) и 105/1*.

Заключение

Проблема особенностей трансформации классической скифской культуры в позднескифскую в регионе Северо-Западного Причерноморья в настоящее время не может счи-

таться окончательно решённой. Тем не менее, благодаря исследованию археозоологических материалов из Глиного, можно говорить о некоторых изменениях в обряде скифов Нижнего Поднестровья в III-II вв. до н. э., нашедших отражение в погребально-поминальной обрядности.

Тризна из погребений содержат набор костей, характерный для мясных частей туш, обычно помещаемых в погребения, тогда как археозоологические комплексы из насыпей и рвов курганов кроме мясных частей обычно содержат фрагменты нижних отделов конечностей и черепов животных. Кроме того, только в остатках тризн из рвов курганов зафиксированы кости свиньи (ров кургана *Глиное 70* и тризна кургана *Глиное 86*). Преобладание в богатых скифских погребениях мяса коней, тогда как в бедные захоронения в качестве «жертвенной пищи» помещали мясо быка домашнего, было отмечено еще Н.А. Гаврилюк [Gavriljuk 1989, 33]. Изменения традиционного способа хозяйствования, вызванные оседанием части скифского населения, и переход к полукочевому образу жизни сопровождались изменениями видового состава разводимых животных.

Отличия в жертвенной пище скифов Глиного (III-II вв. до н. э.) на левобережье Нижнего Днестра и могильника Мамай-Гора (преимущественно вторая половина V – конец IV в. до н. э.) в Нижнем Поднепровье проявляются, во-первых, в видовом составе использованных животных, во-вторых, в выборе частей туш животных, и, в-третьих, в количестве положенного мяса.

На могильнике Мамай-Гора в качестве жертвенной пищи выбирали мясо быка домашнего (47,4 %), овцы (31 %) и коня (21,6 %), в Глином – мясо быка домашнего (65,2 %), овцы (20,3 %) и коня (14,5 %). При этом в погребениях Мамай-Горы явное предпочтение отдавали левой передней части туш различных животных – её использовали в 95,5 % для всех трех видов суммарно. Жертвуемая часть туши была более значительной, включая лопаточную, плечевую, локтевую, лучевую кости и часть передних ребер (как правило, трёх-четырёх). В Глином в качестве жертвенной части при выборе мяса коня в равной мере могли использовать и левую, и правую стороны туши.

В пяти захоронениях (45,5 %) отмечены верхние части тазобедренных отрубков, в трёх случаях (27,3%) положенные вместе с частями передних конечностей. При выборе мяса быка домашнего чаще ограничивались нижней частью лопатки, разрубая кость чуть выше шейки. При выборе жертвенного мяса овцы предпочитали передние части туш (95,6 %), задние использовали только в 4,4 % случаях. Значительное преобладание костей быка домашнего в категории «жертвенная пища» может быть отражением процесса оседания скифов и низкого социального статуса значительной части населения. При этом погребально-поминальная обрядность претерпевает изменения как в выборе вида животного, так и в плане выбора стороны (правая/левая) и части (передняя/ задняя) туши.

В качестве сопровождающих животных в Глином использовали коней и собак. Наиболее часто выбирали взрослых коней (10 особей или 45,5 %). На втором месте находятся молодые (7 экземпляров или 31,8 %). Реже встречаются годовики (2 особи или 9,1 %) и возрастные кони (2 особи или 9,1 %). В группу жеребят попадает только одна особь (4,5 %).

Пол установлен для 10 особей (жеребец), в остальных случаях определения половой принадлежности невозможно.

Наибольшим количеством представлены средние по росту кони (75 %), с высотой в холке от 136 см до 144 см, реже встречаются особи выше средних (16,7 %) и малорослые (8,3 %).

Большинство животных передвигалось быстрыми или преимущественно быстрыми (рысь, галоп) аллюрами (72,7 %). Для одной особи (9,1 %) характерно смешение признаков быстроаллюрных и шаговых лошадей в равных частях. Присутствуют также кони, основным типом передвижения которых был шаг (18,2 %). Их, скорее всего, могли использовать для перевозки грузов, так как при шаге лошадь проявляет наибольшую силу тяги. Ближким к шагу является хода – более быстрый чем шаг, но спокойный для всадника аллюр. Как отмечала В.И. Громова, при табунном содержании не может быть исключительного преобладания того или иного аллюра, как это наблюдается у пород, специально выведенных и тренируемых с первых лет жизни [Gromova 1949, 34].

Наиболее показательны характеризуют грунты и климатические условия формирования пород лошадей трети (копытные) фаланги, ширина которых зависит от массивности костей конечностей. Природные условия, определяющие конституцию коней из Глиного, скорее всего, были достаточно мягкими, не засушливыми, но и не перенасыщенными влагой. Жеребец из погребения Глиное 48/1 демонстрирует микширование признаков средненогих и тонконогих лошадей, обладая при этом достаточно узкими копытами, характерными для представителей рода *Equus*, обитающих в сухих степных ландшафтах с твердыми грунтами. Установить индексы массивности для всех особей коней невозможно из-за фрагментированности и плохой сохранности костей, характерной для могильников в окрестностях Глиного в целом. Присутствие широконогих по первым фалангам животных (кони из катакомб Глиное 4/1, 17/1, 20/1, 105/2), с массивными костями, может свидетельствовать об их формировании в регионе с другими – более влажными и холодными – ландшафтно-климатическими условиями. Эти особи могли быть получены скифами Глиного из других регионов.

Собак в Глином значительно больше, чем в других исследованных скифских памятниках Северо-Западного Причерноморья. Как свидетельствуют данные, эти животные в ряде случаев использовались скифами Северного Причерноморья и Кавказа в погребальном обряде с VII в. до н. э. и до IV в. н. э. При этом увеличение числа собак в погребениях, отражающее, вероятно, определенные изменения в погребальной обрядности скифов, отмечается только с конца IV в. до н. э. в западной части степного ареала обитания скифских племен – в Нижнем Поднестровье и в Нижнем Подунавье. Здесь проживали и фракийцы, чье присутствие фиксируется археологическими материалами в греческих городах Тира и Никоний, а также в Надлиманском городище в Нижнем Поднестровье. На левобережье Нижнего Дуная известны гетские поселения и могильники IV-III вв. до н. э. в окрестностях г. Измаил и с. Орловка [Meljukova 1969, 61-80]. Таким образом, рост числа собак в могилах рядового скифского населения конца IV – III в. до н. э., вероятно, был связан с процессом

оседания скифов на землю. Хронологически, это совпадало с приходом в Поднепровье и Подунавье, на территорию, уже занятую скифами, какой-то части гетского населения. Весьма вероятно, что в контактной зоне имело место сложение скифо-гетского синкретического культа собаки с более широким, чем ранее, использованием ее в погребальной обрядности скифов.

Единичные находки благородного оленя, зайца, черепах и змеи могут быть связанными с социальным статусом погребенных. В связи с процессом оседания на землю и тесными контактами с представителями других этносов в регионе Нижнего Поднепровья в III-II вв. до н. э. сформировался локальный вариант позднескифской культуры, сочетающей как традиционную погребально-поминальную обрядность, так и некоторые заимствованные элементы погребальных ритуалов.

Резкое расслоение скифского общества и переход части населения к полuosедлому образу жизни определенно сказались на особенностях погребально-поминальных обрядов скифского населения Нижнего Поднепровья

III-II вв. до н. э. Именно такие тенденции демонстрируют археозоологические материалы Глиного – снижение доли коней и овец в жертвенной пище, присутствие в материалах тризн домашней свиньи, смешение признаков различных типов передвижения (аллюров) коней, свидетельствующее об отсутствии селекционной работы, направленной на разведение коней строго «под седло». В самой жертвенной пище также происходят изменения, выраженные в уменьшении доли жертвенного мяса, полагающейся покойному – в большинстве случаев бралась только небольшая часть лопаточного или плечевого отруба, а не передняя нога целиком (лопатка, плечо и предплечье). Не так строго придерживались уже и традиционного для скифского населения IV в. до н. э. выбора в качестве жертвенной пищи преимущественно левой стороны туши животного. Большое количество захоронений собак также можно считать признаком, характеризующим погребальную обрядность скифов Нижнего Поднепровья III-II вв. до н. э.

Библиография

- Alekseev 1987:** A.Ju. Alekseev, O datah skifskih kurganov Baby i Raskopana Mogila. Soobshhenija gosudarstvennogo Jermitazha LII, 1987, 28-31 // А.Ю. Алексеев, О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила. Сообщения государственного Эрмитажа LII, 1987, 28-31.
- Alekseev, Murzin, Rolle 1991:** A.Ju. Alekseev, V.Ju. Murzin, R. Rolle, Chertomlyk (skifskij carskij kurgan IV v. do n. je.) (Kiev 1991) // А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.) (Киев 1991).
- Andreev 1994:** V.N. Andreev, O kul'te cherepahi u skifov. In: G.N. Toshhev (otv. red.). Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ja. II. Tez. dokl. Mezhdunar. konf., posvjashh. 95-letiju so dnja rozhd. prof. V.N. Grakova (Zaporozh'e 1994), 9-10 // В.Н. Андреев, О культуре черепахи у скифов. В: Г.Н. Тощев (отв. ред.). Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. В. Н. Гракова (Запорожье 1994), 9-10.
- Andreeva 1993:** E.G. Andreeva, O stroenii kostej nekotoryh dikih i domashnih zhivotnyh. Trudy laboratorii genetiki 1, 1993, 263-312 // Е.Г. Андреева, О строении костей некоторых диких и домашних животных. Труды лаборатории генетики 1, 1993, 263-312.
- Andruh 2001:** S.I. Andruh, Mogil'nik Mamaj-Gora, Kn. II. (Zaporozh'e 2001) // С.И. Андрух, Могильник Мамай-Гора, Кн. II. (Запорожье 2001).
- Andruh, Sekers'ka 1999:** S.I. Andruh, O.P. Sekers'ka, Novi arheozoologichni materiali zi skifs'kih pohovan'. Arheologija 3, 1999, 112-118 // С.И. Андрух, О.П. Секерська, Нові археозоологічні матеріали зі скіфських поховань. Археологія 3, 1999, 112-118.
- Andruh, Toshhev 1994:** S.I. Andruh, G.N. Toshhev, Issledovanija skifskogo mogil'nika Mamaj-Gora. In: G.N. Toshhev (otv. red.). Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ja. II. Tez. dokl. Mezhdunar. konf., posvjashh. 95-letiju so dnja rozhd. prof. V.N. Grakova (Zaporozh'e 1994), 12-16 // С.И. Андрух, Г.Н. Тощев,

Исследования скифского могильника Мамай-Гора. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова (Запорожье 1994), 12-16.

Andruh, Toshhev 1999: S.I. Andruh, G.N. Toshhev, Mogil'nik Mamaj-Gora, Kn. I (Zaporozh'je 1999) // С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора, Кн. I (Запорожье 1999).

Andruh, Toshhev 2009: S.I. Andruh, G.N. Toshhev, Mogil'nik Mamaj-Gora. Kn. IV (Zaporozh'je 2009) // С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора. Кн. IV (Запорожье 2009).

Berezovec' 1960: D.T. Berezovec', Rozkopki kurgannogo mogil'nika epohi bronzi ta skifs'kogo chasu v s. Kut. Arheologichni pam'jatki Ukraïns'koï Radjans'koï Socialistichnoï Respubliki IX, 1960, 39-87 // Д.Т. Березовець, Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки IX, 1960, 39-87.

Brauner 1916: A.A. Brauner, Materialy k poznaniju domashnih zhivotnyh Rossii. Loshad' kurgannyh pogrebenij. Zapiski Obshhestva sel'skogo hozjajstva Juzhnoj Rossii, 86, I, 1926, 49-184 // А.А. Браунер, Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений. Записки Общества сельского хозяйства Южной России, 86, I, 1926, 49-184.

Brauner: Arhiv OAM: A.A. Brauner, Domashnie zhivotnye greko-skifskoj faktorii v Luzanovke u Odessy. Arhiv OAM NAN Ukrainy, № 59279, 175-176 // А.А. Браунер, Домашние животные греко-скифской фактории в Лузановке у Одессы. Архив ОАМ НАН Украины, № 59279, 175-176.

Chemyrtnan 1986: G.D. Chemyrtnan, Sobaki jeneolita Moldavii In: K. N. Negadaev-Nikonov (otv. red.) Pliocen-antropogena fauna Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ja (Kishinev 1986), 13-21 // Г.Д. Чемыртан, Собаки энеолита Молдавии В: К.Н. Негадаев-Никонов (отв. ред.) Плиоцен-антропогеновая фауна Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1986), 13-21.

Chernenko 1967: E.V. Chernenko, Skifskie kurgany na Nikolop'lyshhine (raskopki 1961 g.). Zapiski Odesskogo arheologicheskogo obshhestva 2, 179-191 // Е.В. Черненко, Скифские курганы на Никопольщине (раскопки 1961 г.). Записки Одесского археологического общества 2, 179-191.

Chetverikov, Sinika 2009: I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskij kurgan konca III v. do n. je. u s. Chobruchi na levoberezh'je Nizhnego Dnestra. Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ja i Krimu XV, 204-212 // И.А. Четвериков, В.С. Сеника, Скифский курган конца III в. до н. э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. Старожитності Степового Причорномор'я і Криму XV, 204-212.

Driesch 1976: A. Von den. Driesch, A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Peabody Museum Bulletin 1 (Harvard 1976).

Gavriljuk 1989: N.A. Gavriljuk, Domashnee proizvodstvo i byt stepnyh skifov (Kiev 1989) // Н.А. Гаврилюк, Домашнее производство и быт степных скифов (Киев 1989).

Gromova 1949: V.I. Gromova, Istorija loshadej (r. Equus) v Starom Svete. Jevoljucija i klassifikacija roda. Trudy Paleontologicheskogo instituta 17, Ch. II. (Moskva 1949) // В.И. Громова, История лошадей (р. Equus) в Старом Свете. Эволюция и классификация рода. Труды Палеонтологического института 17, Ч. II. (Москва 1949).

Gudkova, Sunichuk 1985: A.V. Gudkova, E.F. Sunichuk, Polevoj otchjot Orlovskogo kurgannogo otrjada Budzhakskoj arheologicheskoi jekspedicii v 1984 g. Arhiv IA NAN Ukrainy, № 1984/3a (Kiev 1985) // А.В. Гудкова, Е.Ф. Суничук, Полевой отчет Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. Архив ИА НАН Украины, № 1984/3а (Киев 1985).

Il'inskaja, Terenozhkin 1983: V.A. Il'inskaja, A.I. Terenozhkin, Skifija VII-IV vv. do n. je. (Kiev 1983) // В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII-IV вв. до н. э. (Киев 1983).

Jevarnickij 1901: D.I. Jevarnickij, Raskopki kurganov v Hersonskoj gubernii, Hersonskogo i Aleksandrijskogo uezdov. In: grafinja Uvarova i S.S. Sluckij (red.) Trudy odinnadcatogo Arheologicheskogo s'ezda v Kieve 1899 g. T. I, (Moskva 1901), 718-735 // Д.И. Эварницкий, Раскопки курганов в Херсонской губернии, Херсонского и Александрийского уездов. В: графиня Уварова и С.С. Слуцкий (ред.) Труды одиннадцатого Археологического съезда в Кieve 1899 г. Т. I, (Москва 1901), 718-735.

Jakovenko, Chernenko, Korpusova 1970: Je.V. Jakovenko, E.V. Chernenko, V.N. Korpusova, Opisanie skifskih pogrebenij v kurganah Vostochnogo Kryma. In: A.M. Leskov (otv. red.) Drevnosti Vostochnogo Kryma (Kiev 1970), 136-179 // Э.В. Яковенко, Е.В. Черненко, В.Н. Корпусова, Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В: А.М. Лесков (отв. ред.) Древности Восточного Крыма (Киев 1970), 136-179.

Kantorovich 2015: A.R. Kantorovich, Skifskij zverinyj stil' Vostochnoj Evropy: klassifikacija, tipologija, hronologija, jevoljucija. Diss. na soiskanie uch. stepeni dokt. ist. nauk. Arhiv IA RAN, fond R-2. (Moskva 2015) // А.Р. Канторович, Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция.

Дисс. на соискание уч. степени докт. ист. наук. Архив ИА РАН, фонд Р-2 (Москва 2015).

Kashaev 2009: S.V. Kashaev, Nekropol' Artjushhenko-2. Bosporskie issledovanija. Stepi Evrazii i istorija Bospora Kimmerijskogo. XXII, 188-267 // С.В. Кашаев, Некрополь Артющенко-2. Боспорские исследования. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского XXII, 188-267.

Kniga 1952: Kniga o loshadi, Sost. pod ruk. S.M. Budennogo, Vol. 1 (Moskva 1962) // Книга о лошади, Сост. под рук. С.М. Буденного, Т. 1 (Москва 1962).

Manzura 1982: I.V. Manzura, Raskopki kurgana u s. Kosoucy. In: Byrnja P.P. (otv. red.) Arheologicheskie issledovanija v Moldavii v 1977-1978 gg., 122-129 // И.В. Манзура, Раскопки кургана у с. Косоуцы. В: Бырня П.П. (отв. ред.) Археологические исследования в Молдавии в 1977-1978 гг., 122-129.

Meljukova 1969: A.I. Meljukova, K voprosu o granice mezhdu skifami i getami. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. 150, 61-80 // А.И. Мелюкова, К вопросу о границе между скифами и гетами. Материалы и исследования по археологии СССР 150, 61-80.

ОАК за 1889 г. 1892: Otchjot Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii za 1889 god (Sankt-Peterburg 1892) // ОАК за 1889 г., Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1899 год (Санкт-Петербург 1892).

ОАК за 1897: Otchjot Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii za 1897 god (Sankt-Peterburg 1901) // ОАК за 1897 г., Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1897 год (Санкт-Петербург 1901).

ОАК за 1898: Otchjot Imperatorskoj Arheologicheskoj komissii za 1898 god (Sankt-Peterburg 1901) // ОАК за 1898 г., Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1898 год (Санкт-Петербург 1901).

Ол'ховский 1991: V.S. Ol'hovskij, Pogrebal'no-pominal'naja obrjadnost' naselenija stepnoj Skifii (VII-III vv. do n. je.) (Moskva 1991) // В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.) (Москва 1991).

Ол'ховский, Шилов 1995: V.S. Ol'hovskij, Ju.A. Shilov, Skifskij pogrebal'no-kul'tovij kompleks kurgana Cyganka. Rossijskaja arheologija. 4, 103-113 // В.С. Ольховский, Ю.А. Шилов, Скифский погребально-культурный комплекс кургана Цыганка. Российская археология 4, 103-113.

Pankovskij 2016: V.B. Pankovskij, Strukturno-syr'evaja i sledovedcheskaja jekspertiza kostjanyh i rogovyh ob'ektov iz mogil'nika Glinoe. In: Tel'nov N. P., Chetverikov I. A., Sinika V. S. 2016. Skifskij mogil'nik III-II vv. do n. je. u s. Glinoe (Arheologicheskie pamjatniki Pridnestrov'ja. III) (Tiraspol' 2016), 1003-1038 // В.Б. Панковский, Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное. В: Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III) (Тирасполь 2016), 1003-1038.

Petrenko 1984: A.G. Petrenko, Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ja i Predural'ja (Moskva 1984) // А.Г. Петренко, Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья (Москва 1984).

Petrenko 2006: V.G. Petrenko, Krasnoznamenskij mogil'nik. Jelitnye kurgany ranneskifskoj jepohi na Severnom Kavkaze (Stepnye narody Evrazii. T. III. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 1.) (Moskva – Berlin – Bordo 2006) // В.Г. Петренко, Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе (Степные народы Евразии Т. III. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 1.) (Москва – Берлин – Бордо 2006).

Pleshivenko 1991: A.G. Pleshivenko, Skifskij kurgan u Belozjorskogo limana. In: Boltrik Ju.V., Bunjatjan E.P. (otv. red.). Kurgany Stepnoj Skifii (Kiev 1991), 53-72 // А.Г. Плешивенко, Скифский курган у Белозёрского лимана. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.). Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 53-72.

Polin 2014: S.V. Polin, Skifskij Zolotobalkovskij kurgannyj mogil'nik V-IV vv. do n. je. na Hersonshhine (Kiev 2014) // С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н. э. на Херсонщине (Киев 2014).

Polin, Kubyshev 1997: S.V. Polin, A.I. Kubyshev, Skifskie kurgany Utljukskogo mezhdurech'ja (v Severo-Zapadnom Priazov'e) (Kiev 1997) // С.В. Полин, А.И. Кубышев, Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье) (Киев 1997).

Polin, Tupchienko, Nikolova 1994: S.V. Polin, N.P. Tupchienko, A.V. Nikolova, Kurgany verhov'ev Ingul'ca. Вып. 3 (Kurgany u s. Golovkovka, Zvenigorodka i Protoporovka), (Kirovograd 1994) // С.В. Полин, Н.П. Тупчиенко, А.В. Николова, Курганы верховьев Ингульца. Вып. 3 (Курганы у с. Головковка, Звенигородка и Протопоповка). (Кировоград 1994).

Raevskij 2006: D.S. Raevskij, Model' mira skifkoj kul'tury. In: D.S. Raevskij, Mir skifskoj kul'tury, (Moskva 2006), 265-574 // Д.С. Раевский, Модель мира скифской культуры. В: Д.С. Раевский, Мир скифской культуры, (Москва 2006), 265-574.

Redina 1989: E.F. Redina, Pogrebal'nyj obrjad skifov Dnestro-Dunajskih stepej. In: T.L. Samojlova (otv. red.) Arheologicheskie pamjatniki stepej Podnestrov'ja i Podunav'ja (Kiev 1989), 25-34 // Е.Ф. Редина, Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей. В: Т.Л. Самойлова (отв. ред.) Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья (Киев 1989), 25-34.

Sekerskaja 1994: E.P. Sekerskaja, Arheozoologicheskie materialy iz skifskogo mogil'nika Mamaj-Gora. In: G.N. Toshhev (otv. red.). Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ja. II. Tez. dokl. Mezhdunar. konf., posvjashh. 95-letiju so dnja rozhd. prof. B.N. Grakova (Zaporozh'e 1994), 171-173 // Е.П. Секерская, Археозоологические материалы из скифского могильника Мамай-Гора. В: Г.Н. Тошчев (отв. ред.). Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова (Запорожье 1994), 171-173.

Sekerskaja 1999: E.P. Sekerskaja, Arheozoologicheskie materialy mogil'nika Mamaj-Gora. In: S.I. Andruh, G.N. Toshhev, Mogil'nik Mamaj-Gora, Kn. I (Zaporozh'e 1999), 210-219 // Е.П. Секерская, Археозоологические материалы могильника Мамай-Гора. В: С.И. Андрух, Г.Н. Тошчев, Могильник Мамай-Гора, Кн. I (Запорожье 1999), 210-219.

Shaposhnikova et al. 1977: O.G. Shaposhnikova, V.N. Fomenko, A.M. Balushkin, Ju.S. Grebennikov, N.D. Dovzhenko, V.F. Eliseev, V.N. Kljushincev, B.V. Magomedov, A.N. Nekrasova, G.P. Rebedajlo, N.A. Rychkov, N.A. Chmyhov, Otchjot o rabote Ingul'skoj jekspedicii. Nauchnyj arhiv IA NAN Ukrainy, № 1976/7. (Kiev 1977) // О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, А.М. Балушкин, Ю.С. Гребенников, Н.Д. Довженко, В.Ф. Елисеев, В.Н. Ключинцев, Б.В. Магомедов, А.Н. Некрасова, Г.П. Ребедайло, Н.А. Рычков, Н.А. Чмыхов, Отчёт о работе Ингульской экспедиции. Научный архив ИА НАН Украины, № 1976/7. (Киев 1977).

Sharov 2009: O.V. Sharov, O konskih pogrebenijah Bol'shogo kurgana Vasjurinskoj gory. Bosporskie issledovanija XXII, 2009, 283-323 // О.В. Шаров, О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы. Боспорские исследования XXII, 2009, 283-323.

Shramko 1987: B.A. Shramko, Bel'skoe gorodishhe skifskoj jepohi (gorod Gelon) (Kiev 1987) // Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).

Sinika, Lysenko, Razumov, Tel'nov 2021: V.S. Sinika, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Skifskie pogrebenija v kurganah grupy „Plavni” na Nizhnem Dnestre. Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies 3, 221-242 // В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Скифские погребения в курганах группы «Плавни» на Нижнем Днестре. Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies 3, 221-242.

Sinika, Tel'nov 2018: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, Skifskii kurgan 116 pervoi poloviny III v. do n.e. u s. Glinoe. In: (red. V.S. Sinika, R.A. Rabinovich) Drevnosti. Issledovaniia i problemy. Sb. statei v chest' 70-letija N.P. Tel'nova (Kishinev 2018), 223-266 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное. В: (ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович) Древности. Исследования и проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова (Кишинёв 2018), 223-266.

Sinika, Tel'nov, Lysenko 2018: V.S. Sinika, N.P. Tel'nov, S.D. Lysenko, Skifskii kurgan 8 grupy „Sad” na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo 2, 2018, 78-93 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского 2, 2018, 78-93.

Sinika, Lysenko, Tel'nov, Razumov 2019: V.S. Sinika, S.D. Lysenko, N.P. Tel'nov, S.N. Razumov, Skifskii kurgan 7 grupy „Vodovod” v Nizhnem Podnestrov'e. Stratum plus 3, 2019, 365-390 // В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. Stratum plus 3, 2019, 365-390.

Subbotin, Ostroverhov, Ohotnikov, Redina 1992: L.V. Subbotin, A.S. Ostroverhov, S.B. Ohotnikov, E.F. Redina, Skifskie drevnosti Dnestro-Dunajskogo mezhdurech'ja (Kiev 1992) // Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).

Teichert 1975: M. Teichert, Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widderristhohe bei Schaffen. In: A.T. Clason (ed.) Archaeozoological Studies: papers of the Archaeozoological Conference 1974 (Amsterdam – New York 1975), 51-69.

Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016: N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe (Arheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia, III) (Tiraspol' 2016) // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III) (Тирасполь 2016).

Tsalkin 1961: V.I. Tsalkin, Izmenchivost' metapodij u ovec. B'ulleten' MOIP. Otdel biologicheskij 66 (5), 1961,

115-132 // В.И. Цалкин, Изменчивость метаподий у овец. Бюллетень МОИП. Отдел биологический 66 (5), 1961, 115-132.

Tsalkin 1966: V.I. Tsalkin, Drevnee zhivotnovodstvo plemen Vostochnoj Evropy i Srednej Azii. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. 135 (Moskva 1966) // В.И. Цалкин, Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. Материалы и исследования по археологии СССР 135 (Москва 1966).

Tsvetaeva 1968: G.A. Tsvetaeva, Sokrovishha prichernomorskih kurganov (Moskva 1968) // Г.А. Цветаева, Сокровища причерноморских курганов (Москва 1968).

Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Sciții agatârși pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).

Vitt 1952: V.O. Vitt, Loshadi Pazyrykskih kurganov. Sovetskaja arheologija 16, 163-205 // В.О. Витт, Лошади Пазырыкских курганов. Советская археология 16, 163-205.

Vokken, Glagolev, Bogoljubskij 1961: G.G. Vokken, P.A. Glagolev, S.N. Bogoljubskij, Anatomija domashnih zhi-votnyh. T. 1. Anatomija organov dvizhenija (Moskva 1961) // Г.Г. Воккен, П.А. Глаголев, С.Н. Боголюбский, Анатомия домашних животных. Т. 1. Анатомия органов движения (Москва 1961).

Zhuravljov 1989: O.P. Zhuravljov, Domashnie i dikie zhi-votnye iz kurgannoj grupy Chertomlyka. In: Vinogradov Ju.G. (otv. red.) Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ja. I. Tez. dokl. Vsesojuz. konf., posvjashh. 90-letiju so dnja rozhd. prof. B.N. Grakova. (Zaporozh'e 1989), 48-49 // О.П. Журавлёв, Домашние и дикие животные из курганной группы Чертомлыка. В: Ю.Г. Виноградов (отв. ред.) Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. I. Тез. докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. (Запорожье 1989), 48-49.

Елена Секерская, к. и. н., Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, ул. Старопортофранковская, 26, 65020, Одесса, Украина, e-mail: e.sekarskaja@gmail.com

Виталий Синика, к. и. н., научно-исследовательская лаборатория «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 107, 3300, Тирасполь, Молдова, e-mail: sinica80@mail.ru